18+

ПЕРЕДО МНОЙ ЯВИЛАСЬ (СЯ) ТЫ

#поэтическийТЫсборник

Московский союз литераторов

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

#ПЕРЕДОМНОЙЯВИЛАСЬ(СЯ)ТЫ:
#поэтический**ТЫ**сборник / сост. и ред. Людмила Вязмитинова — М.: Московский союз литераторов, 2019. — 160 с.
ISBN 978-5-6041307-2-8

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ

Сборник содержит поэтические тексты, являющиеся обращением лирического «я» к «ты» как особе противоположного пола или отражением впечатления, которое это «ты» на него произвело; иначе, здесь мы имеем дело со следами, которые эти «ты» оставили в душах авторов текстов. Эмоциональный диапазон этих следов — всё, чем богата палитра отношений между мужчиной и женщиной: от глубокой незаживающей раны до растущей с годами благодарности. В наше время в этой области идут серьёзные изменения, и не будет преувеличением сказать, что от того, как они будут развиваться в дальнейшем, во многом зависит судьба нынешней человеческой цивилизации.

ISBN 978-5-6041307-2-8

© авторы, 2019
© Л. Вязмитинова, составление, 2019
© В. Галечьян, дизайн обложки, 2019

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

земля
принадлежит женщинам

небо —
за нами

современный московский поэт
Николай Милешкин

Многие столетия литература, в том числе поэзия, была по преимуществу «мужской», отражая мужское ви́дение внешнего и внутреннего мира человека. Соответственно, стихотворения, строки которых обращены к «ты» как особе противоположного пола, были — да и продолжают быть, поскольку эта поэзия никуда не делась — обращением мужчины к женщине. И одно из самих знаменитых из них — стихотворение Пушкина «К***», первые строки которого знает каждый, для кого русскоязычная культура является родной: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты».

Однако, начиная с некоторого времени (у нас в стране — с начала XX века) положение женщины в обществе — сначала постепенно, а потом всё ускоряясь — стало меняться. Это привело, в том числе, и к появлению всё большего количества поэтов-женщин. И сегодня их едва ли не больше, чем поэтов-мужчин. В своем творчестве они отражают женское — не худшее или лучшее, а несколько иное, чем мужское — ви́дение внешнего и внутреннего мира человека. Соответственно, стихотворения, строки которых обращены к «ты» как особе противоположного пола, в этом случае являются обращением женщины к мужчине. Фактически, здесь мы имеем дело с ситуацией, которую можно обозначить соответствующим образом перефразированной строкой Пушкина: «Передо мной явился ты».

А если вспомнить его знаменитые монологи от лица Татьяны Лариной, в которых — если рассматривать их как отдельные лирические стихотворения — субъект лирического высказывания имеет пол, противоположный полу автора, то можно сказать, что эта фраза также имеет прямое отношение к творчеству Пушкина. И современные женщины-поэты нередко используют этот приём, высказываясь в своих стихотворениях от лица мужчины.

Данный сборник содержит тексты поэтов — членов секции поэзии Московского союза литераторов и их гостей, для которых выделена рубрика «Гостиная». Эти тексты являются или прямым обращением лирического «я» к «ты» как особе противоположного пола, или отражением впечатления, которое это «ты» на него произвело; иначе, здесь мы имеем дело со следами, которые эти «ты» оставили в душах авторов текстов.

Следы эти самые разные, описаны они с использованием индивидуальных поэтик, а эмоциональный диапазон их — от глубокой незаживающей раны до растущей с годами благодарности. Здесь и бурная страсть, и тихая грусть, и горький упрёк, и ирония над собой и своим прошлым и настоящим, и т. д., и т. п. — всё, чем богата палитра во многом загадочных отношений между мужчиной и женщиной.

Это тем более интересно, что сегодня в этой области человеческих отношений с очевидностью идут очень серьёзные изменения: что-то, успевшее устояться, казалось бы, на века, навсегда уходит в прошлое, что-то модифицируется, что-то появляется как нечто, ещё не так давно, казалось бы, немыслимое, а что-то выявляется — и это ещё надо выявить и осмыслить — как незыблемое, не зависящее от причуд времени. И всё это отражается в текстах современных поэтов — в равной мере как мужчин, так и женщин. Поэтому тексты этого сборника, интересные и сами по себе — как современная лирическая поэзия, интересны ещё и тем, что дают определённый срез картины нынешних отношений между мужчинами и женщинами. И думаю, не будет преувеличением сказать, что от того, как они будут развиваться в дальнейшем, во многом зависит судьба нынешней человеческой цивилизации.

Л. В.

НАДЕЖДА АНТОНОВА

* * *

Урок зоологии, последняя парта, твоё привычное
дай списать.
Первые мои нейлоновые колготки.
Это зимой-то, оденься теплее.
Уже не ловлю твои взгляды,
Выше тройки тебе всё равно не поставят.
Вовочка рисует зимнюю картинку: волки на льду
трахаются.
Все дети как дети, а с этим что делать?
Давлю живое, глотаю бьющееся в груди.
Ох, козлятушки вы ребятушки.
Что смешного я сказала, галёрка? Антонова, к доске!
Прав Вовочка, неудобно на льду, лапы разъезжаются.
Ну что ты нам расскажешь про canis lupus?
Мне сегодня тоже не выше тройки,
Даже если отнесу пирожки бабушке.
Ты привык, когда неустойчиво:
Выпускаешь когти, шепчешь с нашей камчатки.
Но я уже поскользнулась.
Может, поэтому на выпускном целовался ты не со мной?

* * *

Фабрика пастилы в Коломне.
Сладкая яблочная кашица на подносах.
Изящные розовощёкие красавицы на коробочках.

Приодетые Евы, стирающие в кровь руки.
Мама, что такое любовь?
Многослойное яблочное чудо, оставляющее во рту
кисло-сладкий привкус.
Холёный усатый альфа-самец в белой рубахе
Тычет мне в губы деревянной ложкой, полной яблочной
мякоти.
Помнишь, когда впервые ты протянула ему своё яблоко?
И как крепкий черенок мешалки стирал память и лишал
иллюзий?
Капли цвета киновари ползли по молочной белизны коже
и смешивались с будущей пастилой.
Как же сладко яблоко из рук твоих!

* * *

Если б я не такая трусиха
Лежать бы нам сейчас рядом
Пить креплёное слушать Рахманинова
Каждый день переписывала бы тебя, как книгу
По методу Брайля — рядом с тобой ничего не вижу
Только рельефно-точечно и могу
Полжизни тебя искала
А теперь боюсь лишний раз позвонить

НАПАСТЬ

Иногда на работе очень скучно пить чай.

Ты грустно жуёшь пирожок и смотришь в стену.

Девчонки вздыхают: ещё целых четыре часа.

— Вы знаете, что такое бакулюм? — спрашиваю я.

Все молчат, я сама недавно узнала.

Бакулюм — это членова кость у самцов млекопитающих.

Она есть у хищников, насекомоядных и грызунов. И даже у большинства приматов.

И только у человека нет! И не надо!

Вот, например, белые медведи.

Поздно созревают, идут на поиски подруги, а женщин у них мало.

Представляете, сколько они там наматывают, пока найдут.

Усталость, недостаток витамина Д, химические загрязнения, душевное смятение.

А ей на всё наплевать, медведице, ей лишь бы зачать.

И вот он, уставший, плачущий, обнимает её дрожащими лапами...

Девчонки нервно сглатывают.

Ты больше не жуёшь и смотришь на меня странно.

...Переломный момент настал.

Он прилёг отдохнуть, она насмешливо оглядывается, он загребает пастью снег, привстает, втягивает попу, вжимается в подругу, и тут раздается хруст.

Дикая боль, мишкин вой, озлобленность самки. Род медвежий спасён: внутри у неё эмбрион, но какой дорогой ценой.

В снежной пустыне не делают рентгенограмм.

Бакулюмы некому гипсовать, некому отслеживать их срастание.

Медведь, рыдая и проклиная всех и вся, бредёт домой, страдая не по-медвежьи.

Он заслужил покой. Он больше никогда не будет с женщиной.

— Ты в своём уме? — говоришь ты мне.

Твой кофе давно остыл. Девчонки напряглись.

— Не стыдно такое на работе рассказывать?

— Да не стыдно мне — фильм «Дискавери» пересказывать!

— И вообще, — не выдерживаю я, — у тебя что, он тоже есть?

Ты багровеешь и говоришь, что я самая развратная женщина во всём мире, что на меня нельзя оставлять детей, стариков, животных, и поручать ответственную работу мне тоже нельзя.

— Ну, не знаю, — говорю я, — всю жизнь поручали и оставляли, теперь, получается, зря.

— Перестань, ненавижу твою иронию! Чем ты лучше самки белого медведя?

Ничем. Но мишек жалко.

Для чего нам такая напасть?..

БЫТЬ

Плыву и смеюсь, и смех мой сливается с шумом воды, и платье набухло и тянет вниз, и венки, что плела я, уплыли.

Я уже никогда не помолюсь о тебе, и подарков твоих не верну тебе, и невестой не буду тебе, и женой не буду тебе, и ребёнком, и сестрой, и зверьком ручным не буду тебе.

Я уже никем никогда нигде не буду тебе.

Потому что меня нет, моего мозга нет, моего тела нет, ничего и никого, что связано со мной, у тебя больше нет.

— О нимфа, помяни...

— Ничего не слышу, вода шумит. Что? Я на кухне, мою посуду, ещё чайник кипит. Офелия? Ты Шекспира перечитываешь? Да, мне тоже очень нравится! Да, конечно, выберемся!

Он безупречен, сидит за столиком, ви́ски со льдом, смотрит на дверь, ждёт.

Входит. Синие губы, лицо серое, щёлочки глаз, розоватая пена изо рта и из носа, разбухшее тело с трупными пятнами изъедено рыбами, в волосах тина и грязь, с лохмотьев бежит вода, на одном лоскуте болтается рак, босая.

— Привет! Давно ждёшь?

Он медленно оседает, валится набок, головой ударяется о пол.

Открывает глаза. Странно, даже в детстве не падал с кровати, всегда чувствовал край. Поднимается, качаясь, идёт на кухню, наливает воду в стакан, залпом пьёт, возвращается, ложится в постель.

Звонок в дверь. Чертыхаясь, встаёт, подходит к двери, смотрит в глазок. Синие губы, лицо серое, щёлочки глаз, розоватая пена изо рта и из носа…

— Я же просил тебя… просил… просил…

Просыпается. Звонок в дверь. Подходит. Смотрит в глазок. Синие губы, лицо серое, щёлочки глаз…

Бежать, бежать без оглядки, затеряться в подсолнуховом поле, потом домой, уткнуться в мамин подол, пахнущий мятой и свежим хлебом, пить молоко, радостно смотреть на вечернее небо с тонким месяцем и вдыхать всем телом. И упоительно ощущать, что это все твоё — и мама, и поле, и небо, и месяц, и вечер. Всё это для тебя.

Из протокола судмедэкспертизы: женщина, возраст двадцать шесть лет… смерть наступила в результате утопления…

— Привет! Как зима прошла? Мимозы принёс. Помнишь нашу первую весну? И веточки мимозы в банках — не осталось свободных. И последнюю… помнишь… Тоже мимозы. Не смотри так, я не бросил, не бросил! Нам нужны были деньги! Я ведь вернулся, и никуда больше. Никуда. Слышишь? Смеёшься? Вот дождёшься, сменю

фотографию на ту, где мы с тобой на мосту. А как ты поднималась, помнишь? Каждый пролёт — мочой прёт, все эти сашаплюсмаша, и ты делаешь вид, что читаешь, потому что страшно. Только тебе, мне — нет . Ты из-за меня ходила. Помнишь? Поднимемся наверх, ты вся съёжишься, но смеёшься, а коленочки дрожат, а я тебя целую и в свой пиджак кутаю. А ты плачешь, говоришь, что от ветра. Помнишь? Трусишечка моя, как же ты смогла? Dementia praecox... генетика... врач сказал: ремиссия... когнитивные нарушения... деперсонализация... рисперидон... не помогает... надо попробовать клозапин... И вянет, как цветок, решимость наша в бесплодье умственного тупика...

Звонок в дверь. Синие губы, лицо серое... Какие присниться сны нам могут в смертном сне... пять лет прошло...

— Ну котик, ну ведь это же ненормально — так долго помнить... Ну иди ко мне скорей...

Звонок в дверь. Синие губы... Подбородок дрожит, щёки мокрые, рука ключом не попадает в замок. Открывает.

— Здравствуй!

В проёме двери никого, сверху площадка четвёртого этажа, снизу — второго, на подоконнике — банка с окурками, разбросанные газеты. И ни-ко-го.

На улице дождь проливной. Полшестого утра. Дворник выгнал бездомную суку из подсобки с лопатами (пробралась же как-то, тварь!), наподдал ей метлой. Грязная, тощая, в колтунах и проплешинах, бежит, виляя хребтом, хвост поджимает, повизгивает жалобно.

Он сидит на скамейке у подъезда, дождь стекает по его лицу, рукам, шее, плечам, спине, груди, бёдрам, коленям, затапливает босые ступни.

— Ну как тебе погодка? Иди сюда! Слышишь? Ко мне!

Сука поворачивает голову, подходит ближе, но остаётся стоять поодаль.

— Иди сюда, тебе говорят!

Он встаёт, она отходит, он садится на корточки, вытягивает вперёд руку и ждёт. Собака медленно, опасливо приближается, нюхает руку, рычит и тут же начинает повизгивать и поджимать хвост, а потом опять отходит. Он быстро хватает её, она громко скулит, пытается вырваться, он прижимает её к себе, и они идут к подъезду.

— Пошли лучше домой, хватит здесь мокнуть. Да, сегодня моим шампунем будешь мыться, другого пока нет.

Доходят до квартиры, он открывает ногой незапертую дверь и, войдя внутрь, так же ногой с грохотом закрывает. За дверью на бетонном полу остаётся мокрая дорожка следов двух пар голых ступней.

ПОЛЁТ

На небе трое: он, она и Бог.

— Ты звал нас?
— Да, хочу вас одарить. Кто первый?

— Я! — кричит Адам.
Она молчит.

— Ну хорошо, пусть первому тебе.
— А что это?
— Уменье пи́сать стоя.

Адам от счастья замочил весь сад —
Кусты, цветы, деревья и зверей.
Он вывел имя женщины любимой
Струёй мочи на синей водной глади,
И от его весёлой и живой капели
Над Евой с Богом радуга взошла.

— Что со вторым подарком? — Ева грустно.
— Мозги хотел я подарить тебе. Но видишь, как всё обернулось, придётся их ему отдать, иначе — ты сама всё понимаешь — затопит или смоет райский сад.
Она молчит. Согласна. Как всегда.

Ты куришь, щурясь. Неудачно пошутила.
И пи́сать стоя, как писа́ть.
Второй без первого, как первый без второго.
Дары такие только в паре хороши.

Ты б суп сварила, что ли, и картошку. Котлет пожарила бы на обед. И я молчу. И молча соглашаюсь. Ребром Адама топаю на кухню. Там ждут меня фасоль и чечевица, семь розовых кустов и кофе в зёрнах.

Но крёстная моя уже купила и разлила подсолнечное масло. И режет тыкву, мякоть извлекая, как умная радушная хозяйка.

Благодарение Богу, мы Его благоухание в спасаемых
и в погибающих Его. И если для одних мы запах
смертоносный, то для других — живительный — на жизнь.

И я молчу. И молча торжествую. И вывожу струёй воды
из крана:
Невидима! Свободна! Троекратно!
И примус старый на плите ревёт.
И где-то мальчик маленький не спит и сказку просит о
летящей тёте, и говорит мне: «Ну, снись, снись».

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА

* * *

А я привыкаю к тебе, привыкаю.
Нет — душою к тебе прикипаю.
И, словно не веря, глажу несмело
Нежданное чудо — узкое тело.
И пусть о тебе ещё мало знаю,
Но чувствую: бьётся душа родная
За хрупкой, невидимой перегородкой.
Столкнулись любовные наши лодки,
Пробоины в днище, потрёпанный парус,
Да и надежды немного осталось.

Но есть ещё вера в весну и рассветы,
И множатся-кружатся счастья приметы.
Ведь всё не случайно в мире подлунном.
И чудо любви — не только юным!
На тыщу вопросов ответов не знаю.
Но всею душою к тебе прикипаю.

АННА ВИНОГРАДОВА

* * *

Ты ли, счастье моё, на углу стоишь,
где в любой сезон что-то каплет с крыш,
солнце светит из-за спины,
и черты лица не видны.
Из портфеля под мышкой торчат цветы.
Ну, кому ж ещё? Это правда — ты.

* * *

Погасло всё.
И мы с тобой остались
на том же берегу,
всё с теми же котомками, плащами...

Но мысли...
мысли спотыкаются,
и брошенное слово блуждает в темноте...

Ни огонька.
И даже трубку, мой подарок, ты не куришь.
И чашка — вдребезги. Ты помнишь, выбирали
для мамы... А досталась мне.
Осколки. Ни собрать, ни склеить не удастся.

Удел двоих —
всю жизнь друг в друге разбираться.

Но жизнь...
она проходит, посмотри!
Какое там кокетство!

Она вот здесь, меж нами и внутри.
И вырывается!
И бьётся сердце...

ТА КОМНАТА

Я выглянул в окно. Ты уходила к перекрёстку,
и в чёрной сумочке блестящей отражались
все фонари, что мимо проплывали,
подсвечивая капли на твоих щеках.
И белый парус твоего плаща
мелькал в волнах зонтов, голов и шапок,
гоним ветрами узких переулков.

Ну, что ж, пора и мне. Я знаю путь короче
и бегаю быстрее даже в дождь.
В том проходном дворе
не плачут фонари —
их просто нет. Сквозь капли суеты
твой бдительный сосед высматривает что-то из окна.

...Как устоять с цветами в гулкой подворотне?
Ведь ТЫ идёшь КО МНЕ!
На зависть всем соседям во Вселенной,
да, собственно, не замечая никого,
пока секунды не остановились,
идём, бежим, стоим, молчим и говорим сумбурно.
Та комната — единственная — знает
о счастье всё,
что даже мы забыли.

* * *

Стоит ли нюхать твою перчатку,
чтобы принять невозможность — дольше...
Дальше — цветы под окном зачахнут.
Может быть, встретимся... Где-то в Польше?
Может быть, в Кракове? Если точнее —
В Подза́мочье на трогательной скамейке,
где лебеди, крыльями поводя,
по воде вычерчивают ремейки?
Тучи, махнув нам, откроют небо.
Колокол щедро одарит звоном.
Я приеду — только скажи — даже туда, где не был,
словно принц на коне — по весне — зелёном.

ТАТЬЯНА ВИНОГРАДОВА

ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ОПИСАНИЕ ОДНОГО ВЗГЛЯДА

Нарисую твои глаза.
Потом — лицо нарисую.
Нос прямой, и в то же время чуть-чуть орлиный, —
наверное, это называется «римский»;
губы — затаённо-чувственные,
очень белые зубы,
простодушная ироничная улыбка,
уверенный, хорошей лепки подбородок,
высокие скулы и упрямый лоб.

Нарисую твоё лицо, такое... пропорциональное,
вроде бы и обыкновенное, но
почему-то притягивающее.
Лицо никакой эпохи.
Лицо всех эпох.

Но всё же прежде —
нарисую глаза.
...Иногда они изливают
звёздный горячий сияющий свет,
до того реальный, что можно увидеть его лучи.
А иногда — не синие и даже не голубые,
а так... глаза как глаза, просто светлые.
На фотографии вообще могут получиться
бледно-карими —
каких только шуток не выкидывает с нами «цифра».

Правда, в последнее время
глаза твои кажутся выцветшими,
и давно, давно я не видела,
как они сияют, как могут они сиять...

И когда я нарисую тебя, —
по памяти, не по фотографии, —
я буду всматриваться в твоё лицо,
безуспешно пытаясь понять...
— Понять тебя и себя,
понять этот звёздный свет,
понять — почему
ты не уходишь из моих мыслей ни на минуту.

...И это называется любовью?
Это у людей и называется любовью, да?
Да бросьте!
Это же невыносимо —
всё время разглядывать
вот это простое лицо,
такое прекрасное, —
ну просто, блин, гибрид Брюса Уиллиса
с Марлоном Брандо,
да ещё с активной непищевой добавкой
русской духовности...
— Сколько можно?!

А если это — только внушение?
Если ты влюбил, нарочно влюбил меня в себя —
тогда, в январе девяносто первого?

...Я очень хорошо помню ту минуту,
с которой начался новый отсчёт моей жизни.
Мы сидели в моём узеньком, крохотном кабинете
и пили чай.

Я — за рабочим столом с пишущей машинкой,
ты, естественно, — на диванчике,
застеленном белым мехом.
Ты должен был на следующий день уезжать. В Англию.
И вот мы просто пили чай и разговаривали.
И вдруг я увидела Взгляд.

Нет, не увидела даже —
почувствовала.
Почувствовала, что взгляд (синий! горячий! свет!)
проникает, обволакивает и растворяет. (— Росянка?)

— Нет, не то.
Ты смотрел на меня так... чуть вопросительно...
словно пытаясь понять, что за странность
сидит перед тобой.
(До этого чаепития у нас были прекрасные, ровные
рабочие отношения).
Ты, скорее всего, пытался проникнуть в *мои* глаза,
узнать *мои* тайны...

Любопытством тебя Бог не обделил
(равно как умом и талантом).
Наверное, тебе было непонятно и чуточку обидно —
как это: девушка уже два месяца работает рядом с
тобой, и до сих пор ещё в тебя не влюбилась.

Непорядок. И ты стал режиссировать ситуацию.
Причём, возможно, всего этого ты даже не осознавал.
Действовал автоматически, привычно и властно.
И вот я вдруг увидела
этот долгий, долгий, затягивающий,
обещающий всё на свете,
чуть вопросительный взгляд...

Но предпочла ничего не понять
и продолжила пить свой чай.
Правда, вкуса его уже как-то не замечала.
Ты что-то такое рассказывал, кажется, что-то смешное —
совершенно не помню, что:
вербальный уровень был не важен.

Важен был этот взгляд.

Потом ты наконец отвёл глаза.
Я посмотрела на чашку в своей руке,
не очень понимая, что это такое я держу и зачем.

Был вечер.
Все уже разошлись, и мы сидели одни.
Ну, или почти одни. В театре никогда не бывает полной
пустоты.
Вернее, только наполненная пустота и бывает.

Не помню своих мыслей тогда.
Кажется, просто не очень хотелось,
чтобы ты уезжал.

И тут ты без предупреждения
вновь
направил свои лучи на меня.
Наверное, примерно так же
чувствовала себя Снегурочка
в финале сказки Островского —
то ли смерть приключилась, то ли vita nova...

Взгляд проник глубоко, глубоко,
«и мигом обегая, словно ртуть,
все внутренние переходы тела...»
— Нет, не то. Не ртуть.

Лёгкий горячий свет.
Если угодно — эфир, или солнечный ветер,
короче, музыка сфер,
в натуре.

— Нет, опять не то.
Взгляд, подчиняющий и в себе растворяющий.
Да-да, вот это, пожалуй, точнее.
Взгляд, проникающий в природу души
и пересоздающий эту природу.
Взгляд, которым, наверное,
при желании можно остановить солнце —
или хотя бы луну.
Взгляд, которым можно укротить дикого зверя.
Или хотя бы меня.
Взгляд, которым можно заворожить навсегда.

И я, еретичка, взошла на костёр
этого синего, синего взгляда...

И ты уехал. В Англию.
И все две недели, пока тебя не было,
меня трясло.
— Нет, опять не то.
Я не могла понять, что со мной происходит.
Хотя в самой глубине, конечно же,
прекрасно всё понимала.
Я не могла смириться.
Смириться с тем, что попалась,
как все.
Как все, кто поверил и рискнул подойти слишком близко
(за стеклом витрины — ноябрь и снег).
Меня трясло, как человека, в кровь которого
уже проник смертоносный вирус,
но он ещё не понимает,

что обречён, и пытается бороться.
А потом ты вернулся.
Но это уже совсем другая история.

Чем же был этот взгляд,
изменивший всё?
— Внушение? Магия? Ворожба?
Как тебе удалось?

Дальше, вкратце, события развивались так:
любовь, любовь, любовь —
бунт —
попытка уйти и построить
свою
отдельную
жизнь —
неизбежное возвращение.

Каким будет финал, не знаю.
Скорее всего — без вариантов.

Чем же был этот взгляд?
Может быть
(что за дикая мысль!),
в тот момент я тебе чуточку… нравилась?
Ну, как симпатичная и забавная новая игрушка,
я имею в виду.

Кстати, года за три до этого я на спор взяла у тебя автограф (хотя он совсем не был мне нужен). Тогда, перед спектаклем, ты страшно на кого-то злился, метался, как тигр, по фойе. Все боялись подходить. Людей от тебя просто отбрасывало. А я сказала друзьям: «Спорим, на меня он не заорёт?» — и в итоге реально выиграла (очаковское) шампанское.

Так вот, когда я протянула журнал со статьей Аннинского, ты ласково спросил: «Как тебя зовут, солнышко?» «Татьяна», — строго ответила я, ясно давая понять, что никаким солнышком быть не намерена. И ты не просто украсил страницу своей размашистой росписью. Нет, там оказался вполне осмысленный message:«Танечка! Желаю счастья!»

Надо понимать, синий взгляд,
столкнувший меня в пропасть,
и был этим самым счастьем.

...Точнее, не в пропасть, а в бездну,
в непостижимую воронку времени.
Потому что летела я, как Алиса, —
долго-долго-предолго.
Иногда кажется,
что ещё и теперь лечу.
Просто привыкла за годы,
устроилась как-то в свободном падении —
то посплю, то варенья поем,
то замуж вдруг выйду, а то — разведусь...
А на самом деле —
ничего этого не существует.
Есть только твой взгляд,
вмещающий мир, все миры...
И мой взгляд — в ответ.

Быть может
(ещё одна дикая мысль),
это напряжение, незримый ток,
мощное силовое поле,
возникающее в результате
столкновения двух молний —

твоей, синей, и зелёной — моей, —
и держит всю нашу с тобой реальность,
не давая ей соскользнуть
в пустоту.

Остальное — иллюзия, майя.

И я падаю, падаю, падаю...
и горячие многоточия звёзд
пронзают меня насквозь.

Вот что такое
твой взгляд.

Поэтому сейчас
я не стану рисовать твои глаза.
Мне достаточно просто
вспомнить.

А вспоминаешь ли ты — обо мне?
Тогда ты уехал в Англию,
сейчас — в Америку...

Странно, но я по тебе
совсем не скучаю.

ЮРИЙ ВЛОДОВ

«СУДЬБА ВЕНЕРЕ ОБРУБИЛА РУКИ…»

1

Судьба Венере обрубила руки,
Чтоб не ласкала смуглого подпаска,
Чтоб не хлебнула бабьего позора,
Чтоб не стонала: «Я — твоя рабыня!..»

2

Венера ударила Бога! —
За то, что лобзался убого.

Венера ударила черта! —
За то, что терзал непритёрто.

За вечные женские муки
Отсохли Венерины руки.

* * *

Ах, в Измайловском парке! —
да на кромочке льдистого луга,
Задрожала плутовка
заныла как в море белуга:
«Ты прости меня, милый,
что вчера полюбила другого,

Донельзя распрекрасного,
потому донельзя дорогого!»

Уй, в лесу городском,
где разлив распростёрся безводный!
Зашипел я, как змей,
и закаркал, как ворон безродный:
«Ты прости, дорогая,
что вчера полюбил я другую,
Донельзя расчудесную,
потому донельзя дорогую!»

И пошли кто куда,
а былые безумные страсти,
Как весенний ледок,
раскололись на мелкие части...
И не в том ли секрет,
чтоб, топча эту хрусткую слякоть,
Всё куда-то идти, хохотать,
и безудержно плакать!..

ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА

* * *

У нас никогда не будет детей.
Хоть в радость,
хоть в грусть.
Аксиома.
Тебе не стоять у закрытых дверей
притихшего на ночь роддома.
А мне не корчиться,
в родовых
муках силы теряя,
тебя и меня,
обоих,
двоих
в едином живом сплавляя.

Смешавшись,
наследственность соединя,
не сцепятся гены в клетках,
всё вновь сочетая
тебя и меня
и наших необщих предков.
И в толще ещё не пришедших дней
текущего в будущем века
твой жест не смягчится улыбкой моей
в неведомом нам человеке.

Ночь улетает остатками снов,
узор из созвездий тает...

Ты мне никогда не дарил цветов...
Хоть в радость,
хоть в грусть...
Светает.

* * *

А где твоя нежность?
Вчерашней тучей
в лужах застыла льдом?

А губы шепчут:
так будет лучше,
лучше сейчас и потом.

Но это губы, в сиюминутной,
ставшей привычной лжи,
а остов вечного белой грудой
в белом поле лежит.
И если ветер подует свежий,
у твоего порога
станет кружится призрак снежный,
мёртвый и хромоногий.

* * *

Я в ночь от тебя сбежала,
всю ночь по тебе тосковала,
с рассветом тебя искала,
весь день по тебе умирала,
а к вечеру умерла.

Как корни мшисты и сладки
у хрупкой жизненной кладки,

как кони на корни падки,
и полночь походкой шаткой
земные вершит дела:

кому — улыбнись и исчезни,
кому — ошибись и воскресни
на прежнем своём насесте,
и сходятся стрелки вместе
со звонким ударом — вон!

«To be», принц, и шпагу в ножны:
призраки ночи ложны.
Живём и призраки множим,
а таймер пульса под кожей
вложен в текущий сон.

* * *

Это всё попущение Божие —
от зачатия до падения.
У тебя горячая кожа,
остальное — моё наваждение.

Это всё бунтари на ветках
небеса славословят в трубы.
Ты бываешь ласковым редко
и почти не бываешь грубым.

Это всё от корней истоки,
поднимаясь, питают крону.
Никогда ты не был жестоким,
только был всегда посторонним.

Это всё царапин ожоги
на отвесном пути к подножью.

Если я имею чужое,
то возьми его, Господи Боже.

* * *

вот и нет у тебя жены
есть зима и воздух горячий
из решётки резной стоячей
и рисунок кудрей парящий
по-над памятью говорящей
вот и нет у тебя жены

есть свобода от ближних давлений
кубометры пространств без волнений
мириады других измерений
и фигур для волеизъявлений
только нет у тебя жены

pax vobiscum — яну без ини
то не слёзы, то звёздный иней
серебрящий Господне имя
по-иному для ян — отныне
по-иному для инь — отныне

* * *

Этим вечером душным ты роняла игрушки
на пылающий чернью наряд свой вечерний.

Было всё очень мило: колокольня звонила,
вслед молитвенной речи детский гробик плыл
в вечность.

Знать, судьба не родиться — оправданье убийцы,
но пустотные речи на твои висли плечи.

И слепой стылый морок рвал ресниц хрупкий полог,
и порхали амуры в безмятежной лазури.

И пустотною тканью в глубине мирозданья
непрожитое имя жгло лучами своими.

На морях-океанах, на далёких Буянах,
после миль искупленья ждёт нас ткань заживленья.

Склюнет времени птица этой жизни страницу...
Где у смерти граница? Где у жизни граница?

* * *

Я люблю тебя через тлен и прах,
я люблю тебя на семи холмах,
я люблю тебя через боль и страх,
через слово «друг», через слово «враг»,
через слово «жизнь», через слово «смерть»,
через лай и визг и глагол «не сметь»,
пусть закон для всех, и диктует плеть,
и в зенит вдвоём не дано лететь.

Через тлен и прах, через боль и страх
я люблю тебя на семи ветрах,
и не видно слёз на моих глазах,
лишь огнём горит солнце в небесах.

* * *

Слава Богу, сиденья в миру большие —
можно пятую точку вместить удобно
и сомкнуть наконец веки.

Мир под веками плотен, огромен, бесшумен,
мир плоти воздушной и огненных молний.

Далеко ли до неба? Знаю, что далеко.
Даже самого близкого.
Подай рукой.

Как натружены пальцы твои,
поклонник Бориса и Глеба.
Как натружены губы твои,
призывающие мой покой.

Жити-жить бы тебе, не зная моих молитв.
Быти-быть бы тебе вдали от огня и пепла.
Знаю, что не жалеешь. Но воздух в огне горит.
Но и огня без воздуха нет и не было бы.

* * *

не оставить отметин
расслоятся следы
на далёком том свете
нет ни «я», нет ни «ты»

полоса нерожденья
электронный прибой
где умрёт наслажденье
становиться собой

сквозь эфир эстакада
гаснет низ, гаснет верх
немигающим взглядом
опустившихся век

на мишурной личине
сквозь пощёчину дня
отдыхают морщины
от «тебя» и «меня»

* * *

Сочтёмся в вечности. Сыграем в карты
на всё, что накартавили, накаркали.

А карты вечные, быстротекучие
мелькают вечером сквозь пальцы тучные.

Где наковеркали, вспухают болью.
По нашей вере нам играют в нолики.

То по отдельности, то по совместности
играем в крестики земных конечностей.

По поперечности земной провинции
встань огуречиком, зерном для птицы.

Хвостом себе шурши, коль хвост от роду дан.
Есть вертикаль души, и кожи есть кафтан.

Распашка вечности, изнанка костная...
Истёкши речью, мы уходим к звёздам.

ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН

ФЕМИНИЗАЦИЯ

первенство рождения
женская
мужскую
хромосому
на 80000 лет опередила
долго
а
одиноко
бродила

мужественность
у-хромосомы
б
у ыв ают
пл
возможности

стимул
днем добираю
д пам
о ин
д
доблесть
дарю дивану

превосходство
вскоре
в женщин все
превр к
а и
т ч
и
мся
отличием зря

ЭТРУСЯНКИ

1
имя личное
и
мели
и
и
менья
и
2
из именных чаш
на пирушках
цедили
с разбором вино
3
верхом скакунов
объезжали
окрестных
свободны в любви
4
годы
птиц
мерены
полетом
свобода
ушла
этрусянки

ДМИТРИЙ ГВОЗДЕЦКИЙ

* * *

Когда ты входишь,
комната становится
светлее и просторнее.

Не могла бы ты
приходить почаще

и проходиться
по всей квартире?..

ИМЯ

У моей бессонницы теперь есть имя,
Я могу смотреть ей в глаза отныне,
Я могу угостить её капучино,
Сидя в кафе за дальним столиком.

Не пугает больше меня рутина,
Пред субботой пять дней уж не так противны,
Я стал мягким, лиричным, почти что
мирным,
Самым живым на Земле покойником.

Я готов весь мир шагами большими
Рассекать, напевая то имя гимном, —

Поделиться мне хочется им с другими,
Заглушая ревущие стаи «Боингов».

Надоело пленником быть стоп-линий!
Где остатки натуры моей звериной?..
Прорычу, как пещерный рычал мужчина,
Имя, что в ливень важнее зонтика,

Что в два слога излечит
меня — невротика,
и останется в сердце
целебным дротиком.

ЗАПОЗДАЛАЯ ЛИРИКА

Я люблю тебя,
но не как тебе надо.
Не как привыкли
зрители мелодрам.
Не как положено:
С пылкою серенадой
и громким выкриком:
Никому не отдам!

Я люблю не так:
Я не шлю сердечек,
не дарю цветов,
не штурмую загсов...
И пиджак
не накину на хрупкие плечи —
по погоде пора
привыкать одеваться!

Я люблю не так:
Не приеду ночью

только, чтобы сказать,
как тебя люблю,
не сыграю ни такта
на своём позвоночнике,
и небо едва ли
под ноги постелю.

Я люблю не так,
как любил Ромео.
И с Орфеем
общего тоже мало.
Я любить, наверное,
не умею,
ну а ты любить
за двоих устала.

И всё ж я люблю тебя,
хоть не как тебе надо,
хоть не знаю приёмов,
чтоб тебя покорить.
И едва ли вместе
седину мы встретим,
и вряд ли умрём мы
с тобой в один миг.

ПРОШЛОЕ

Прошлое наше бесцветным варевом
Обжигает нещадно сегодняшний день,
Он, краснея, вздувается
И противно хлюпает.

Порой нежелание разговаривать —
Величайшая роскошь. Мы снова не те:
Ты — «Шанель»,

Я — «Левайсы»,
На рынке купленные
И с неправильной буквой в конце.

Снова затылок обнялся с копчиком…
Как теперь нашу встречу именовать? —
Затрещали все кости
Торжественной дробью,

С грохотом на пол обрушилась кофточка,
На орбите, как спутник, моя голова
Завращалась: так плоти
Попробовать хочется —
Не трогал её года два.

Нежный шёпот, как музыка в фильме ужасов,
И объятья твои — петли́ на горле
страшней…
Опять ты видишь прекрасного мужа,
Почему, почему же ты видишь его во мне?!

День свой сегодняшний врачую бережно
От ожогов саднящих, на крем не скупясь.
Больше не будет у нас «как прежде»:
Не поможет крем — перейду на мазь.

ВЕЧЕРА

Так странно тосковать о вечерах,
Которых так когда-то не любил,
Пережидал, как бедствие в горах,
И в недрах памяти поспешно хоронил…

Тот привкус нелюбимого вина,
Те кадры недалёкого кино,

То одиночество в ночи без сна
И та, что рядом спит ко мне спиной...

Туманная неловкость по утрам,
Ни похоти, ни нежности внутри,
Совместный завтрак с горем пополам
И нежеланье с нею говорить...

Потом прощанья долгожданный миг,
Растянутый на тысячу минут:
Она совсем не хочет уходить
И норовит обратно повернуть...

Невольно облегченья сладкий вздох
Откуда-то из самого нутра,
Как только нелюбимая уйдёт...
А я ведь сам позвал её вчера...

Но вот теперь меня поймала грусть
На страшный свой заточенный крючок,
И я мечтаю хоть на миг вернуть
Один из тех, ненужных вечеров...

ЛОПАСТИ

А вы знаете,
что у робости
есть страшные
острые лопасти?

Низвергнуть способные
счастье,
изрубить до ничтожных
обрезков.

Не можешь беседу
начать и
не отправишь никак
СМСку...

Как чужак,
не имеющий пропуска,
как шпион,
что не знает пароля,
укатиться
мечтаешь по глобусу
кем-то посланной
бандеролью.

Прячешь взгляд,
будто спрятал за пазухой
безделушку,
зачем-то украденную...
Смотришь вслед ей
печально и радостно —
нет на свете
прекрасней создания...

Но окликнуть,
догнать не решаешься,
ей, скорее всего,
ты не нужен,
у такой
неприступной красавицы
право есть
на достойного мужа...

Ты полезен,
как в космосе конница,
как роса

на лужайке покошенной...
Лучше пусть
каблуками уносится
по дороге
к чему-то хорошему...
.....

А вы знаете,
что у робости
есть страшные
острые лопасти?..

ВАСИЛИЙ ГЕРОНИМУС

* * *

Океан мирозданья к чему возвеличивать?
Дорогая! Куда как значительней это:
между нами проходит заряд электричества,
как томительный отблеск горячего лета.

Ум, остыв, умолкает, и сердце лишь ведает:
искра чувства мощнее эпической глыбы.
Ведь любви не страшны преходящие беды,
пусть она и бывает мучительней дыбы.

Мы не сталью машин, мы сердцами работаем;
мы летим друг ко другу, сметая барьеры,
чтоб смягчить непостижными неба щедротами
возрастающий холод компьютерной эры.

НАТАЛЬЯ ГРЕБНЕВА

Из поэмы «НОСТАЛЬГИЯ»

9

Я незаметно в жизнь твою войду...
Я — тень, твоё немое отраженье...
Дорога — та имеет колею,
Река — изгиб,
Покой — свое движенье...

У «Инь» — есть «Янь».
У минуса — есть плюс.
Рождает близость миропониманье...
Кто друг для друга мы — не разберусь —
Дыхание смешалось вновь с дыханьем...

10

Я вызвана к жизни
Твоим появленьем —
Чтоб не было в мире
Тебе одиноко.
Чтоб взглядом родным
Провожала в дорогу,

Ждала и надеялась,
Просто скучала,

Детей чтоб рожала,
Стихи чтоб творила...

И это — не мало.
И то — не по силам....

11

Одно понятно, сколь и достоверно:
Живым девятым валом накатила
Моя безмерность на твоё неверье.
И рухнула, увязшая во штиле...
Тебя не отменив, меня не пощадила...

12

Как ни хотелось бы,
как ни мечталось,
но — есть реальность...
И —
не слишком ли слепо мы верим надежде?
Но:
Ты — прочен
И беспорочен.
Ты — мощен!
Ты — общий...
Ты — вещий
И грешный...
Ты — совершенство?
ТЫ — ...
ПРЕЖНИЙ???
Тебе — моя нежность,
Тебе — моя верность,
Тебе — моё сердце...
Владей же!!!

Вечность,
Безмерность,
Бездонность,
Бескрайность,
Безбрежность...
Надежда:
ТЫ —
П Р Е Ж Н И Й???
Быть вместе:
в пути и расколе,
в скитаньях и горе,
в греховности море,
на эшафоте и на престоле...
Не стою???
Не скрою —
тебя бы любила,
тобой бы гордилась,
тебе бы служила
и мыслью, и жилой —
всей жизнью!
Проснись же!!!
Люблю тебя, милый,
ныне и присно,
будь искренен!!!

...Но,
как бы то ни было,
и ни случилось бы,
как бы ни стало —
Я славлю
Тебя, мой хороший,
Тебя, мой красивый,

За всё,
что не было,
будет
иль было...

С П А С И Б О!!!

ОЛЬГА ДОБРИЦЫНА

* * *

Это бог или природа
это вечность или новь
это больше чем свобода
это больше чем любовь

это сладкая горчинка
от медового глотка
это пестик и тычинка
в невесомости цветка

это вылет из оконца
птицы взмывшей в небеса
это пляшущее солнце
в тонких спицах колеса

это счастье провиденья
это дух что вездесущ
это зыбкое паденье
райских яблок
с райских кущ

это ветер у порога
это белые листы
это крайняя дорога
это небо
это ты...

ДАНИЛА ИВАНОВ

* * *

Наташ, — говорю, —
Крымнаш.

Шутка, шутка, конечно, но уже поздно —
истерика.

Я говорю: это самое,
был сегодня на премии,
там пожилой один дядя,
важный такой, всё как надо,
что-то мне говорил, ну а я —
не запомнил. Дурак? Дурак!
Но меня поразили его трусы:
они, когда он с кем-то говорил,
сзади торчали,
и спина его была изрядно пропотевшая.
И что-то мне жалко его стало,
хотя он так много знает.

Сестра слушает, говорит: пис (мир).

А потом мы пляшем, дрыгаясь, резко выбрасывая
руки вверх. До седьмого пота.

* * *

Ну и жопа у женщины, думаешь на остановке,
Коротая время в серой костюмной обновке.
Можно смотреть на время, температуру,
Но впереди лишь задница этой дуры.

Или в автобусе, сидючи с импотентом,
Слышишь его разговор с латентным
Внуком-геем о том, что мужик — это значит
Землю потом и кровью перелопачивать.

А потом выходишь, идешь в парикмахерскую, чтоб
постригли.
Жизнь похожа на старые видеоигры.
Женщина завтра та же, на том же месте.
Внук и дедуля, кровь и земля, хоть тресни.

* * *

Я создаю твои руки такими
Чтобы меня обнять
Ты прости, мы все эгоисты
Или когда-то были ими
Или готовимся стать

ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА

РАССВЕТ

Приснилось, что ты входишь в меня
землетрясением
город осыпается
пустой корой
летит сквозь чёрные трещины земли.
Инфразвук вонзается в моё лоно
камни вскрикивают и зависают
обломки
собираются в груды
трещины стягиваются
скрученные
остовы машин клочья вывесок
растворяются.
Очнувшись, кладу ладонь на твою спину
кожа земли лоснится углём
под пятнами жёлтых листьев.
Наши волосы и наше дыханье смешиваются
дома
вырастают из почвы
в которой мы сплетаемся —
красные стволы, лиловые листья
ярусы разворачиваются
шелестят синим.

мы корни
мы любим вслепую
высасывая друг друга

до полной самоотдачи
и дрожью в небо уходим

САД

дождь лепетал макая в воздух пальцы
и прояснял твои черты наощупь
беспечно расточая серебро
на вспышки пястей сквозь дневные пяльца
как щебет клювы
колокольни рощу
и выгиб тела красное ребро

под слова лезвием
и в ритме внутривенном
на белом губ ветвился лабиринт
переплетаясь в парусном и пенном
и капилляры пил прозрачный бинт
стяжения безмерного мгновенным

а вне
вжимаясь в чёрное стекло
вспотевшим лбом
на свет ползла округа
предел древесным шумом очертя

но шесть небес дымились под крылом
и мы ещё искрили друг о друга
одеты лишь в шуршание дождя

* * *

в дрожи, как на юру
ранней ночью весенней,
ты вглядывался в моё отраженье.
наших глаз ожерелье переливалось.
я расстёгивала манжеты на руках сплетённых,
до чего же тесна нам эта рубашка!
белый яд в игле скорпиона так ищет тело.
не его ли танец научил, смиряясь
разделённостью-нас-в-пределах-движенья,
выведывать каждый изгиб желанья?
так я — женщина? ты — мужчина?
но моё ртутное переключенье
зажиганья под кожей — в два раза быстрее.
твоя лунная чуткость —
вкрадчивей влаги
в капиллярах, в серебряном костном свеченье.
так
я ни с кем ещё не
вплывала в себя,
тобой к себе возвращаясь.
лишь ветер оплёл нас, крылатое тело,
восьмирукое, двухголовое,
односердечное,
двое мужчин яростно
заспорили о ведущей левой.
две женщины продолжали ласкать друг друга.
твоя уступала, и мой мужчина
пил с её губ, погружаясь всё глубже
шепча о десяти звёздах вигилий
содрогаясь

о как мы
оба одно
любили

* * *

ещё рассвет дрожит как стеклотара
расколотая в тишине молочной
и на просвет текут текут отары
туда где горизонта позвоночник
чуть гнётся над краями чаши моря
и мы выходим из небесной чащи
вплетаясь в цепкость трав на косогоре
дышать друг другом то светлей то чаще
и заполнять горячие пустоты
предплечьями переплетаясь с речью
когда круги как гласные долготы
к согласным берегам плывут навстречу

В ТЕМНОТЕ

всё, что с нами теперь творится, —
полная катастрофа.
первоогонь
смешали с глиной и магмой.
сотни ножей
танцуют вокруг каждого
прикосновенья.
подносишь ладони к потемневшему
яблоку, только это, и те
солоны и незрячи.
как мы отыщем и вернём наши границы?
о раскалённое, скользящее, хрупкое,
унести его глубже?
но сокровенное на поверхности.
уязвимость — в каждой точке
мембраны жизни...
не осталось больше воздуха
для защиты.

мы погибнем?
да, отвечают твои
обожжённые губы, и моя
дрожь, поднимаясь
в эпицентрах кроветворенья, в топком и вязком,
расплетая волокна и хорды, гривы и детские
пальцы,
рассекая прибой...
раковины слой за слоем втягивают водоворот
шёпотов, растят песчаную сеть,
высокую пену,
и то, что было моими бёдрами —
белые взмахи, взвешивающие
неделимое, сердце, прорывающее
ткань узнаваемого...
так сотрясалась Гея, исторгая гекатонхейров.
так мы чудовища?
или
уже те, ещё не проявленные,
измученные утратами кокона?
чьи раны взошли мерцающим нежно?
эти гало —
теперь твои и мои орбиты?
.....
но может мы зазвучим
новыми формами
согласно
когда отыщем
нашу Землю

БЕЛЫЙ ШУМ

умыкни меня в тишину, где все стрелки стоят на нуле.
и стрелок самих не видать, потому что ночь глубока.
и пряжа наших дыханий — сага о белой луне,
и обе дороги связаны из одного клубка.
в незримом его огне стала, как смерть, крепка
жизнью разорванная строка.

неважно, что станешь шептать в божественной тесноте.
и всё равно, за что вновь и вновь мне тебя прощать —
как дышать, как рождаться заново: не в правоте,
а в согласии возвращается смысл вещам.
так в речи прорехи вторгается звёздный шум,
сообщая крови: в тебе дышу.

...потеряй себя снова. меня как ключ, оброни.
переплюнь до рассвета Петра. трилобитом заройся в ил.
слепки счастья вымеси заново — у памяти нет брони.
и срока давности нет: каждый в себе носил
другого так глубоко, что дрожит насквозь
ожерельем спин наших — земная ось.

...я не знала тебя зимой — с кем ты ходил по льду?
обветривал губы? на стекле протаивал озерцо
дыханием?.. но весной — я в каждом побеге найду
между моих ладоней, милый, твоё лицо...
и когда лоб тебе ласкает касаньями снег ли, дождь,
я небом в тебя врастаю. ты светом во мне растёшь.

ОСЛЕПЛЕНИЕ

...держал в пригоршнях звёзды
с оторочками чёрной воды,
повторяя: не заглядывай больше в глаза.
и они медленно вытекли,
чтобы ты смог
пустыми ладонями
отыскать и обнять меня

МАТЕМАТИКА

Ищу себе — доброго? Верного?
Да, но прежде того — соразмерного.

Это совсем не то,
Чтобы обоим пальто —
Как влитое —
На-двое.
Другое:
Со-размерность как со-размеренность.
Собранность и — со-вверенность:
Ритму, жесту,
Дыханию, месту.
И — со-размирённость —
С миром — уединённость.
От-решённость — от мира — в мире,
Когда двое — почти четыре:
В отражениях друг в друге,
За кругом — и в круге:
Ваятель — и глина —
Кто — чья — половина?
Едины вдвойне —
Не как на войне —
Спиною к спине:

Лицом к лицу — в мире.
И — шире:
Открытыми — на четыре
Стороны все, как есть,
И на пять и на шесть —
Со-звучно, всеми частями —
Изгибами и углами,
Со-мирно и со-Божественно.
Со-множественно.
Даже в том, что
Пока и уже
не-
художественно.

ИНГРИД КИРШТАЙН

ЭЛЕГИЯ НА СНЕЖИНКИ, ПАДАЮЩИЕ В ФОНТАН

посвящается Ovidiu Varsami

Есть же вещи и менее вероятные, чем ваша смерть
в шуме подпёрших небо чашеобразных вод
посреди ещё не зимы, но уже почти.
В темноте на площади Юности.
В фазовый переход
опуститься, захлёбываясь, — избранность или блажь?
Торжество безнадёжности — её колыбельной фаты,
слезотекущей яви — неужто засахарен ток,
топких надежд мираж, как с *I Love You* листок.

Будто не холод властвует, а слеза,
водяного пламени ключ под сугробом букв.
Латынь из-под перьев варварских — настоящая, хлынь —
слепком ослепших чувств. Сверху луна. Аминь.

Сон с тобой я видела перед Римом своим,
сон потонул в зашоренном снегом глазу.
Сколько плещет смирения там, где тепло!
Всюду были фонтаны, в них тают твои шаги.

О шестиугольные, нежные, словно вслух
полувсхлипы: «хоплес». Поверх границ

ангелы соприкоснулись. С их крыльев пух
этой ночью колкой теплей воды.
Так — молитвой о встрече — расцвёл фонтан!

Ты мне будешь рассказывать мой же сон.
Хоплес, xonless, hopeless. Язык пойму.
Только вода струится, и снег летит.

Пятое августа. Рим. Эсквилинский холм,
весь засыпанный снегом.
На этой подушке стоит
Санта Мария Маджоре*. Римские чудеса
почуднее ещё. Толще снег, и безошибочней сны.

* У Рустама Рахматуллина читаем: «...в августовскую ночь 352 года римскому вельможе Иоанну и святому папе Ливерию явилась Божия матерь с повелением поставить церковь там, где утром будет снег. Снег выпал на вершине Эсквилинского холма, знаком которого и стала церковь Богоматери в Снегах, больше известная как Санта Мария Маджоре. (Рахматуллин Р. Э. Две Москвы, или Метафизика столицы. — М.: АСТ: Олимп, 2009. – С. 521-522.) — *Прим. авт.*

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

* * *

Вот женщина. Она принадлежит
Другому. Я его не знаю.
Она в постели ночью с ним лежит.
Лишь одному ему принадлежит.
А может быть, она принадлежит
Ещё кому-нибудь.
Мужчин на свете много.
И выхожу один я на дорогу.
И предо мной тернистый путь лежит.

* * *

Я жду приезда Снежной Королевы.
Я на окно замёрзшее дышу.
Я жду приезда Нежной Королевы.
Я у окна стою и не дышу.

Она стирает свой пуховичок
Два раза в месяц в порошке белейшем.
Она считает, что пуховичок
У Королевы должен быть чистейшим.

И кружевное нижнее бельё
Она стирает до седьмого пота.
Совсем не королевская работа —
Стирать до пота нижнее бельё.

Она всегда, как зимний день, чиста.
Вся до единой складочки промыта.
Промыты щёткой все места открытые,
И мягкой губкой — тайные места.

Я жду приезда Снежной Королевы.
Я на окно замёрзшее дышу.
Я жду приезда Нежной Королевы.
Я у окна стою и не дышу.

* * *

Носатая красавица, ты чья?
Кто спит с тобой, под одеялом гладит?
В глазах — прохлада вешнего ручья.
А щёки — знойный блеск атласной глади.

Поджарой гончей строгий экстерьер.
В плечах — узка, а в талии — тонка.
Растрёпанная прядка у виска.
И благородство княжеских манер.

Вся — тайна. Вся — избыток. Вся — на «Вы».
Вся — в чёрном, облепившем, обречённом.
Иду, не поднимая головы,
И чую запах самки утончённый.

БОРИС КОЛЫМАГИН

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

В Вентаве я уснул и вижу:
Земля уходит из-под ног,
И девушка, мечта Парижа,
Сидит напротив с чашкой снов.

И туфли красными носами
Летят навстречу кораблю,
И бренди светит огоньками
На букву «Л»,
На букву «Ю».

И я гляжу на эти звёзды,
Вдыхаю ласковый прибой
И повторяю: поздно, поздно,
Всё это будет не с тобой.

* * *

Я молчу, хотя она — ромашка,
цветик из подлунной глубины,
стройная, звенящая букашка
клейкой тишины.

Я зову, но тщетно — не выходит,
дом — запор, хозяин — часовой,

две косички — в напряжении,
смотрит телевизор голубой.

* * *

Сижу — вздыхаю,
Наташкину грудь ласкаю
и улыбаюсь:
сладкая ты моя.

Месяц из-за герани,
натопить бы баню.
Веников наломаем,
напаримся от души.

Мурка мурлычет — дура.
Важная процедура:
на печку залезть сугубо
и темечко почесать.

* * *

Лютой плоти
взор напротив:
страсть, затиснутая в жест —
в беспокойном повороте
головы —
вдогонку чресл.

* * *

А в беспокойном свете
весенней ерунды

позвольте вам заметить:
полно кругом воды.

И глазки инфернальные
шныряют в зазеркалье,
и носятся едва ли не
влюблённые трамваи.

Троллейбус основательный
пристал к кулинарии:
пирожное и вафли,
и далее — к Марии!

* * *

Зато река — она отрада,
связует годы и преданье.
Но ты зеваешь. Наказанье.
Ну что же, чай пойдём попьём.

* * *

Не то, чтобы
А прямо «О!»
Осоловело высоко
И звёзды прямо надо мной
И мы с тобой
Болтаем глупости под ними

* * *

Решительная девушка рисует.
К ней море тянется за поцелуем.
Ветрит — и весело маячат корабли.

* * *

Грудь у неё — что надо,
и щёчки — хороши,
а попка — ну просто награда
для ищущей счастья души.
Но я прохожу стороною:
живу хорошо с женою.

* * *

Потихонечку, полслова,
разговор до полвторого.
«Ты не хочешь?» — я сказал,
а она мне: «Ну, нахал!»
И в мечтательной тревоге
мы расстались на пороге.

* * *

В час беспечности далёкой
возле «у, какие сны!»
мы с тобою, друг широкий,
в беспокойствии луны

мы с тобою, друг просторный,
перед — что там впереди? —
говорим: рукав узорный
отмахал давно в груди

мы с тобою, друг склерозный,
после, за, давно назад
слышим: весело и звёздно
колокольчики звенят

декадентские напевы
бормотанье старой девы.

СТИХИ НА САЛФЕТКЕ

Зачем она села напротив?
Ну, села и села, плевать.
Мне все эти бабы, как противень,
Как низкого неба тетрадь.

Но всё же она посмотрела,
Подвинув слегка ноутбук.
И я опустил оробело
Глаза, заблестевшие вдруг.

Ах, сколько же этих козявок
Летают в головке моей.
Ах, сколько же этих пиявок
Себе я поставил, злодей!

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН

* * *

Как голова от плеч, ночью твоя походка
Неотделима от задубевшей улицы.
Слёзы, пытаясь течь, доходят до подбородка.
Каждый второй кашляет и сутулится,
Пропуская тебя вперёд, обходя сторонкой,
Не поднимая глаз на твоё кривляние,
Вслух называя тебя вороной, считая воронкой.
Слабое северное сияние
Не даёт тебе ни тепла, ни света.
Звёзды дрожат и дёргаются на нитках.
Ты давно прошла и упала где-то,
И в сугробе свернулась калачиком, как улитка.

* * *

Отношение может меняться —
И даже к тебе.
Я не знал, чем заняться,
Играл по ночам на губе,
Выдувая псалом, а потом
В пустотелой трубе
Мягким шариком крови
К твоей покатился судьбе.

И мерещится странное:
Ты, например, или вдруг

Мягко тлеющий волос,
Сгоревшие палочки рук,
С тихим стуком упавшие,
Катятся где-то вовне,
И луна, как паук,
Пробегает по серой стене.

* * *

С воображаемой партнёршей
Делил я пищу и ночлег.
О, мог ли дать мне жребий горший
XX век, жестокий век!

* * *

На краю канала
В тихую погоду
Дурочка стояла,
Взвешивая воду.

* * *

Желание уснуть, увы, неразрешимо.
Угрюмый мотылек порхает над столом.
Вчера моя судьба, шутя, прокралась мимо,
Пока я задремал, мечтая о былом.

Мы ужинали здесь. Ещё остались крошки
На высохшем столе. И от тарелок след.
И тихо надо мной невидимые мошки
Танцуют никому не видимый балет.

СОН

Я иду сквозь сумрачный Эрмитаж —
Из бюро находок к бюро пропаж.
Через каждый зал твой проходит след.
От портретов женских струится свет.

Я иду весь день, я иду в толпе,
По паркету, снегу, кривой тропе,
По сырой позёмке, сухому льду.
Поскользнувшись, падаю. Вновь иду.

Я тебя не встречу, хотя хочу,
Потому что пока мне не по плечу
Вырыть норку во времени, чтоб туда
Заглянуть и спросить, и услышать «да».

КЕДР И ПАЛЬМА
(на классический мотив)

Я сегодня искрюсь от снега — блестящий весь...
И каким-то древесным чувством знаю: ты точно есть.

Ты послушай там, вдали, за меня, как шумит прибой.
Потому что я рядом. В каком-то смысле, всегда с тобой.

Я туда к тебе подойти никак не смогу.
Но я буду счастлив на этом — северном — берегу.

Буду видеть сны о тебе, о море, магнолиях и о том,
Как ты ловишь, смеясь, мой сон. И смотришь его потом.

ПРОБУЖДЕНИЕ

крепкий кофе
бутерброд с красной рыбой
скромный завтрак поэта

привычное
прекрасное
одинокое утро

«Я могу любоваться тобою издали»
записав эту строчку
я долго смотрю

всем телом —
всем своим мужским телом —
в твоё женское

и внутри ощущаю движенье
подобное росту цветка

шаг навстречу

ВЯЧЕСЛАВ КУРОЧКИН

ДРЕВНИЙ АКТ

Смотрю в глаза и подгоняю ночь.
Ты здесь, тебя я вижу, осязаема.
Ты скрасить одиночество не прочь,
И, главное, ты тоже мной желаема.

Обнять тебя не страшно, не боюсь.
Ты мне доступна, хочешь, ждёшь, надеешься,
Что я к тому же самому стремлюсь —
Хочу раздеть — и ты не ерепенишься.

Мы пара страстных, жадных до любви.
Меж нами искра и волна влечения.
В свидетели амуров позови,
Что древний акт случился, как явление.

ЕКАТЕРИНА ЛИВИ-МОНАСТЫРСКАЯ

ПЕСНЬ
подражание древнееврейскому

Она:

Беги, мой возлюбленный!
Ночь на холмах,
полночь на стенах.
Горькой луной порог озарён,
замер тростник.
Беги, возлюбленный,
Из рук моих, стеснённых и пенных,
Текучих, как море.
Тень за тобой поспешит —
Защитник, двойник.

Укройся листвой виноградной,
Месяц не выдаст;
Беги диким оленем,
Лети вороном вдоль
Чуткого мира,
Чьи ухо и взор насторожены.
Кинусь
Я за тобой —
Путь осветить
Падающей звездой.

Возлюбленный мой,
Кудри твои
Сёстрами ночи
Станут —
Беды смоляней,
Мира умерших темней.
Тело твоё
С горой состязается в мощи.
Крепостью стань:
Силой не смогут
Померяться с ней.

Возлюбленный мой!
Объятья твои —
Золотое кольцо с самоцветным узором,
Уста твои — лилии,
Поцелуи слаще вина,
Очи — голубки у ясной воды,
Но им ли равняться со взором
Твоим: нежность их — камень,
И белизна их черна.

Зрачки твои —
Яркий смарагд,
Румянец, как роза,
Оправлен в чистое злато,
Стрелы — ресницы твои
Пронзили насквозь мои сны,
Цельному сердцу угроза.
Брови — тяжкие крылья,
Слова — соловьи

Слетают с губ твоих,
Звон, рокот потока
Слышится в них,

Хорами храма гремя:
Так с прояснившихся гор
Весна окликает до срока,
Словно любовь моя
По имени кличет меня.

Девушки Ерусалимские,
Вас заклинаю, не троньте,
Не откройте любви
Прежде часа её и венца
И не будите любовь
В ваших сердцах,
На горизонте
Счастья и скорби
Молнией возлюбленного лица.

Память поцелуев твоих —
Мешочек душистого мира
Меж грудей моих,
Драгоценное масло —
Ласки твои на теле моём.
Девушки Ерусалимские,
Вас заклинаю во имя подвижного мира,
Ласточек, ланей пугливых:
Не тревожьте любви,
Когда мы вдвоём.

Он:

Сестра, невеста моя,
Покрывало стеной водопада
Скрыло тайну тайн твоих,
Но я различаю сквозь лён
Упругость сосков,
Горячих, как фиников гроздь,

Прохладных, как кисть винограда,
Хочу пить твой мёд,
Не пьянея и не утоляя
Новую жажду к тебе.

Ты — источник с живою водою
В саду, окружённом
Столь неприступной стеной,
Ты — сад зачарованный
С тихой листвой золотою,
Плещущий ветер
Порою ночной.

Любовь моя —
Яблоня в диком лесу,
И белизною,
Как лилия, светит
Сквозь тернии
Любовей других.
Пока синяя свежесть
Не отдала себя зною,
Свою любовь
Принесу в этот сад,
Незаметен и тих.

Осторожной змеёй проскользну,
И щедрые главы
Смоковниц насытят меня
Плодами.
Высок
Упругих ветвей дар,
И я соберу ароматные травы
И буду пить до рассвета
Твой хмель,
Твой гранатовый сок.

Сестра, невеста моя!
Твой волос — с пурпурным отливом,
Как слава царей,
Волнист, как стада.
Твой рот подобен гранату,
Спелым, счастливым
Полнится смехом.
Зубов твоих ясных гряда:
Они, как овечки
У доброго пастуха —
Все на месте:
Вымыты, белы,
Как перед стрижкой, чисты.
Царь Соломон
Не может мечтать о подобной невесте:
Сорок цариц его,
Семьдесят жён
И без счёту наложниц
Превзойдёшь красотою
Мизинца единого ты.

Скульптор, самый умелый,
Бёдер твоих совершенство не сможет
Вовек изваять,
Лоно твоё —
Круглая чаша,
Неистощимая драгоценным вином;
Игривые груди твои
На близнецов газели похожи,
Голос твой — отрада воды
В колодце дневном.

Сестра, подруга моя!
Кожа твоя всё солнце впитала,

Ты почернела
Под ярым оком небес.
Возлюбленная
Невеста от этого стала
Темнее шатров кочевых,
Прекрасней дворцовых завес!

Юноши Ерусалимские,
Братья мои золотые,
Прельщайте других
Наукой любовною вы
Девушек милых,
Но спрячьте глаза,
Когда сквозь тени густые
Тень любви моей
Пройдёт, хоронясь от молвы.

Грозные
В сердце моём натянуты луки.
Тысяча луков
Единою тетивой.
Юноши Ерусалимские,
Слушайте лютни, тимпаны
Живых голосов, но при звуке
Гласа любви моей
Слух, заклинаю вас,
Слух затворите вы свой!

Она:

Я задремала,
Но сердце моё не уснуло.
Чу, как бы треском поленьев
Наполнился воздух сырой,

Словно где-то грозы
Отголосок, дальнего гула...
Дальше — слова различаю:
«Открой,
сестра, подруга моя,
Голубка, открой же!
Кудри мои в полночной росе,
Я промок...»
Ох, я только разделась,
Сном обволокло меня ложе,
Только что вымыла ноги,
Снова... Не помню...
Крепко замок
Держит надёжную дверь,
Милый стучится,
Хочет войти.
Падает сердце моё,
Я просыпаюсь,
Бросаюсь к нему:
Миро сочится
С пальцев от счастья;
Дергаю спешно задвижку,
Верить глазам ли? —
Лишь тьму
Вижу. Возлюбленный
Пропал, как растаял.
Пуст мой порог.
Я содрогаюсь,
Будто в бреду;
Ищу, его нет...
Как слепая, перстами
Трогая тёмные стены, бреду,
Луна показалась — бегу
Опять, задыхаясь,
Зову, но мрак безответен.

Не отвечает любимый,
Но окликает дозор,
Стражу несущий на стенах.
Десяток алых отметин
Факелов ближе и ближе,
Топот шагов:
«Свой позор,
девка, кричишь
в полное горло?
Мало? Добавим!» —
Бьют, оскорбляют меня,
Срывают платок с головы:
«Сколько возни
С этим
Змеиным племенем бабьим!» —
Пинают, заходятся смехом,
Кляня...
Только вы,
Ерусалимские,
Помочь мне, девушки, в силах!
Спасите меня,
Помогите мне!
Вас заклинаю
Во имя возлюбленных милых!
Пропал жених мой,
Растаял во тьме!
Отыщите его,
Среди всех одного
Отыщите!
Я расскажу, какой он —
Его вы из тысяч узнаете.
К вашей защите
Сердце взывает:
Найдите суженого моего!

...Ночью на ложе
искала любовь мою.
Месяц
Светит в окно.
Пусто ложе моё.

Где ты, любовь?

На ощупь
Крутыми ступеньками лестниц
Спустилась во двор.
Пусто. Там нет её.

Город весь обойду
По площадям, закоулкам,
Должна же найти
Я любовь мою.
Как на беду,
Нет её в городе целом.
Стражу спросила —
Хохотом гулким
Ответили: «Ищи ветра в поле!»
Так ищу, не найду.

Где ты, любовь?

Только что были вместе,
На миг забылась.
Не помню...
Но едва открыв глаза,
Глядя вперёд,
Вижу:
Он мне
Сам
Навстречу идёт.

Милый, под яблоней я тебя разбудила.
Положи меня на сердце своё,
Словно клеймо.
Так сильна любовь!
Как смерть, сильна её сила!
Неотвратима страсть,
Как мир умерших.
Само
Пламя любви
Горячей тысячи молний,
Не хватит воды
Всех океанов
Пожар погасить,
И если кто-нибудь
Хочет купить любовь,
Пусть крепко запомнит:
За все богатства
Станет печать
Бесчестья носить.

Он:

Был у царя виноградник
В Баал-Аммоне,
Хороший доход приносил,
Прибыль, звеня,
Падала в царский карман,
Но не о Соломоне
Речь, а о том, что есть у меня.

Царь, дай работникам
Долю их, часть их,
Будь справедлив,
Отдели честь по чести другим.

Мой виноградник хоть мал,
Да вино его — счастье,
Плод его — весь для меня,
На других неделим.

Милая, в этом саду
Ты стоишь,
Я тебя вижу,
Но не расслышу,
Что говоришь ты,
Вручи свой голос ветрам.

Она:

Беги, возлюбленный,
Милый, беги же
Ко мне —
Оленёнком.
Газелью
Быстро беги,
Любовь,
По цветущим,
Душистым горам!

ЛАРИСА МЕЩАНИНОВА

БАРКАРОЛА

Чёрное море.
Белая пена.
А в голове трёхдневный крен —
Он ушёл навсегда.
Это не горе,
И даже не тема.
Белое-чёрное, белое-чёрное —
Просто вода.
Так значит — не нужно больше бояться,
Что он однажды возьмёт и уйдёт,
Он возьмёт и уйдёт.

Белая скатерть.
Чёрные сливы.
И пьёт за древний Карфаген
Контрафактный коньяк
Шкипер с «Полтавы».
Много — не мало,
А в его грешной душе
Поместятся легко конь и як.
Всем мореходам память и слава!
Много — не мало, ах, много — не мало,
Ах, чудный коньяк.

Бурые скалы.
Белое гетто.
Я вижу город Карфаген
Сквозь дешёвый хрусталь.
И безусловно, это победа —
Кони и сбруя, и сам Ганнибал,
И холодная сталь.
У парапета кончается лето —
Глупое, наглое, хрупкое лето, —
А мне и не жаль.

Чёрное море.
Белая пена.
Это же просто соль и йод.
Он уже не придёт.
Но напечатали в местной газете:
Винодел не в ответе за град и за ветер,
Кредитор подождёт.
Сушатся сети на парапете.
Он не в ответе, никто не в ответе.
Что было — не в счёт.

* * *

В пятницу мы встретимся с тобой
увидим друг друга
обязательно
непременно
по расположению звёзд
и стечению обстоятельств
лицом к лицу
на узкой тропе
среди виноградников у обрыва
и горе тебе
если ты вовремя не повернёшь назад.

* * *

Тебя не любит моя собака.
Долго смотрит
и даже обнюхать не подходит.
Кем ты был в прошлой жизни?
Или в этой ты — не в своей шкуре?

* * *

Кругом бушуют идиоты.
Одесную бушуют и ошую.
Я тоже иногда бушую —
капусту с луком не тушу я,

тобой, любимый, не дышу я,
и даже денег не прошу
я ни у тебя, ни у кого-то.
Закон природы отменяю
и лишь себе не изменяю.

А в остальные дни недели
я очень мирный человек.

* * *

С тех пор, как ты умер, я успокоилась.
Перестала читать газеты, выискивая твоё имя,
не слушаю речи твоих соратников —
без тебя они болтуны, и только.
Душа моя охладела к оружию,
и я выбросила финский нож из сумочки.
Красный цвет меня теперь не раздражает —
я довольна, что хоть одним оголтелым
в гражданской войне будет меньше.
С тех пор, как ты умер, я хожу не оглядываясь:
мы не встретимся на этом свете,
а на том у меня будет другой путь.

* * *

Была весна.
Уснувший сад нас укрывал в своей тени.
Была весна.
И ты сказал: «На этом свете мы одни».
Твоя кружилась голова,
А мне круженья не хватало.
Слетели с губ тогда слова,
Что в моём сердце чувства мало.

...Снег таял, снова падал он —
Весна прохладой осени смеялась.
Как лёгкий, добрый, светлый сон
Мне память о тебе осталась.

МАРИЯ ОРДЫНСКАЯ

* * *

Уже который год, лишь вечер настает,
как пара лошадей, мы дружно ходим цугом.
Я штопаю носки, ты чинишь дисковод.
Да что ж это с тобой мы делаем друг с другом?

Ты моешь мной полы, стираешь мной бельё,
Готовишь мной на стол, когда приходят гости,
А я тобой смотрю, как мент гнобит жульё,
Чиню тобою кран и забиваю гвозди.

Потом ты мной родишь двоих-троих парней,
Ты выкормишь их мной и вырастишь на славу,
А я тобой куплю сперва, что помодней,
Потом авто, гараж и пони на забаву.

И годы — чередой, да мы-то вразнобой
Всё чешем чехардой, усердны и упрямы.
Ты будешь мной любить, а я любить тобой,
Друг другом застолбив Канары и Багамы...

Однажды ты поймёшь, что твой черёд настал,
Что жизнь уже прошла, и не переиначишь,
Но так же, как любил, и так же, как дышал,
Ты мною свой уход оплатишь и оплачешь.

АВГУСТ

Мне грустно, радость моя, до осени так далеко —
столько ещё впереди прогулок, лесных орехов,
столько банок варенья, ниток сухих грибов,
длиною в четыре супа, что кажется —
за августом снова август настанет.
Мне грустно, радость моя, но ведь жизнь так прекрасна,
и я, как часть этой жизни, прекрасна, видимо, тоже,
а если грущу — оттого лишь, что не вместилась в образ,
стихи с чужого плеча на себя примеряя.
Радость моя, а ведь я по тебе сохну!
(Хорошо бы усохнуть размера до сорок шестого.
Правда, сухое гораздо сложнее гладить,
но можно поправить дело посредством, к примеру, мадеры.)
Я дождусь осени, а когда мы встретимся — хочешь,
я подарю тебе собирательный образ?
Ты соберёшь его из частей моего тела:
оттиски губ и ладоней
и дыхания оттиски
перенесёшь на бумагу
строчка за строчкой
по образу и подобию.
Только глаза не трогай —
столько лет смотрели
мы с тобой друг на друга,
что на листе останутся чёрные дыры.
Не трогай глаза — уж лучше я вылью
по стакану мадеры под каждое веко.
Яблоки в вине — что может быть слаще?
Только губы твои, только твои губы...

* * *

Вспоминаю тебя — и заботы летят кувырком,
Память крутит кино, словно с горки спустили салазки.
И тогда по ночам карандаш истекает стихом
И слабеет к утру и, как раненый, ждёт перевязки.

И такая тоска поднимается с тёмного дна,
Где не черти живут, а мохнатые страшные звери,
И темнеет в глазах, и во рту солонеет слюна,
Кровь стучится в виски, как бродяга в закрытые двери.

Я напрасно старалась наставить с тобою рога
Одиночеству, хищнику сей многолюдной пустыни,
Потому что обуться нельзя, если два сапога —
Никакая не пара, а два образца на витрине,

Оба левых, и разных размеров, а также иной
Ритм и слог, так что хочется, не опасаясь свихнуться,
Отрастить себе руку в шестьсот километров длиной,
Чтобы ночью хотя бы к лицу твоему прикоснуться.

ВОЛЧИЦА

За мною по волчьему узкому следу
идёшь и тоскуешь по тёплому пледу.
Не бойся, послушай меня —
сильнее дыхни на замёрзшие руки,
вдвоём не страшны нам любые недуги:
нас белые волки хранят.

Не бойся: удержишься, если споткнёшься,
ну что же ты медлишь, ну что же ты бьёшься,
как муха внутри янтаря?
Ты здесь ещё не был, не правда ли, не был —

ты просто боялся лилового неба
и белых волков января.

Не бойся: заблудшие белые волки
обоих нас выведут прямо к посёлку,
укажут искрящийся путь.
Не бойся, послушай: спокойно и мудро
мой стих, как пушистое белое утро,
стучится в озябшую грудь.

Впусти же его — и меня, мы ведь вместе,
забудь эти волчьи тоскливые песни,
разбей свой янтарный покой!
И я растворюсь, я уверую в чудо,
я белых волков навсегда позабуду
и лягу у ног твоих белой строкой.

* * *

Уже третью неделю я числюсь больной,
все не могут понять, что случилось со мной,
мне одной лишь известна причина:
в продолженье моих нездоровых затей
лекарь мне прописал кровь невинных детей
для поднятия гемоглобина.

О, не бойся! Не прячься, как страус, в песок!
Я три раза на дню пью гранатовый сок
с пересоленным привкусом крови.
Если ж на ноги встать не могу целый день,
то меня навещает пятнистый олень
и часами стоит в изголовье.

Он клянётся в любви каждый раз, вновь и вновь,
как лекарство свою предлагает мне кровь,

пересохшие губы целуя,
уверяет меня, что останется жить,
что вовек не покинет, что можно забыть
боль любую и рану любую.

Я, наверно, однажды поверю ему —
вместе с лезвием руку, смеясь, протяну
и, шутя, упаду на колени.
Я напьюсь, я умоюсь в целебной крови
и забуду прекрасные руки твои —
те, что мягче, чем губы оленя.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

ПОЙДЁМ СО МНОЙ ГУЛЯТЬ

* * *

Шоколадный ты!
Ладный ты!
Хладный ты!
И прохладный ты!

Я
Умоюсь,
Укроюсь,
Зароюсь,
Дорвусь
И упьюсь!..

Ах, твой взгляд-шоколад —
Мглистый,
Льдистый,
Лучистый
И чистый!

Ах, твой взгляд!
Ледяное дыханье зимы...
Нет, прощальный блеск осени...

* * *

Пойдём со мной гулять
По лунной дорожке...
Уведу тебя за
Этот мир...

Оттуда, из-за ширмы,
Так интересно
Подглядывать сюда.

* * *

Ухожу в твои глаза...
притягиваюсь вдаль...
поцелуй взглядом.

Но тёмные очи твои! —
в них не видно ни зги...
я заблудилась...

* * *

Колокольчики звенят.
пришла любовь.

лечу высоко в облаках,
подхваченная
любовным ветром...

ах, колокольчики звенят,
лишь оттого,
что ты меня
коснулся взглядом...

* * *

Жёлтые облака...
облака
твоего любимого цвета.

Давай смеяться,
заворачиваясь в облако...
а может,
будем кидать
друг в друга
жёлтой облачной ватой?..

Ослепительно
нежный цвет —
жёлтый!

За этот цвет
люблю тебя!

* * *

О аромат магнолий
бесконечный,
струящийся из сада,
из темноты,
из вечера идущий,
обходом,
прячась за деревьями,
за домом,
неслышно
по дорожке
и неощутимо
крадущийся, ступающий, скользящий
и подступающий ко мне.

Спешу на встречу
потаённо, быстро-быстро
из темноты, из вечера
обходом,
прячась за деревьями
и домом,
неслышно по дорожке и неощутимо
ступаю
и крадусь скользящим шагом
и, наконец,
лечу в объятья...
О страстный поцелуй!

МАРИЯ ПОПОВА

БЕЗ НАЧАЛА И БЕЗ КОНЦА

в этой реальности стылой слегка
и в этом лете
в которое
ты с васильками в руках
на белом автобусе въедешь
рядом с цветной площадкой
где звонко играют дети
я счастливая вечная
на автобусной остановке
памятником
всем
нимфам спальных районов
там где тени
там где я делаю кофе
на кухне
в шёлковом и зелёном
как одеяния
тех деревьев
что смотрят бесстрастно
чуть позже
когда мы шагаем шагаем шагаем
вперёд
там движенье земли и наше
останавливается
почему-то внутри
моей головы
и взгляд блуждает

ЖИЗНЬ ОДНОГО ПОЭТА

бэби

он возил тебя в тот же город
что и меня
да и правильно
стоит ли
ради новой женщины менять привычное?

бэби

он ночевал с тобою
в том же отеле
что и со мной
да и правильно
стоит ли
ради новой женщины менять гостиницу?

бэби

он таскал тебя
теми же улочками
что и меня
да и правильно
стоит ли
ради новой женщины менять маршрут?

бэби

он читал тебе те же стихи
что и мне
да и правильно
стоит ли
ради новой женщины писать новое?

бэби

дома он спит с тобой
на той же кровати,
что спал со мной
да и правильно
стоит ли
ради новой женщины менять кровать?

бэби слушай

это какая-то дурная бесконечность
и странный квест
лотерея
отнесёмся к этому философски
и с юмором

ни тебя ни меня
и никакую другую даму
он не съест

просто надкусит

* * *

я могла бы могла бы могла бы тебе позвонить
и послушать что ты солжешь
и сама соврать
я могла бы забыть о тебе
не могу
потому что лишь
вера и внутренний свет
заставляют меня дышать
не в прямом

в переносном
хотя я могла бы давно утонуть
пока я плыву
как тот младенец
с обложки альбома «Нирваны»
под названием «Nevermind»
жизнь есть чудо
плыть только вперёд
не смотреть назад

* * *

фоторепортёру Володе Павленко

потерять тебя
чтобы снова найти
сквозь зазеркалье пройти
и вернуться
оставшись неизменённой
просто тебя вспоминать
опустить веки
и бегущих зелёных лошадок
себе представлять
в синем небе

ночью вздыхать
чувствовать жженье в груди
комкать простынь
по дому ходить
не чувствуя рядом тебя
и зная что ты далеко
близко и даже во мне
ты жженье в груди
из стакана вода
и пух тополиный

ты облако и одуванчик
ты где-то есть
и знаю что любишь меня
а я просто слышу
как у меня внутри
пульсирует сердце твоё

СЛУЧАЙНОЕ

перечитывать Сэй-Сёнагон
первый раз за полгода
после ночи с тобой
всё как будто бы
ярче и слаще
тёмный эльф улетел
и лишь запах солёных грибов мне оставил
я снимаюсь в кино
я в метро уезжаю
под рокот футбольных фанатов
смеюсь
здесь рекламное место не занято
здесь могла бы быть ваша реклама
экзистенция рулит
и поезд идёт
а ты был безупречен
я не жалуюсь я
рецензирую книги
всего лишь
и магизм реалический
в каждом движенье
природы и цивилизации

ВЛАДИМИР ПРЯХИН

* * *

Не подходите к ней с вопросами...
А. Блок «На железной дороге»

она шагает меж витринами
глядит в пластмассовые лица
а город спинами змеиными
весь день под нею шевелится

лежит дракон, покрытый мрамором
дорожной плиткой и паркетом
и пресмыкаясь смотрит камера
её секретные сюжеты

ей зверя пасть невольно явлена
сквозь щёлочки чужих улыбок
и головы рептилий сдавлены
её кроссовочками «рибок»

месить ногами и колесами
февральский снег в мечтах о взлёте!
не подходите к ней с вопросами
она пошлёт — и вы пойдёте...

ПОЛЁТ МЕЧТЫ

В. Сорокину

в апреле у Марты замедлился полёт мечты
и она решила купить себе
новые крылья

в интернет-магазине она выбрала крылья розового цвета
не обратив внимания на рисунок на коробке
этот цвет казался ей наиболее подходящим
для ночных полётов к благоухающей планете
на которой её ожидал молодой человек
с лицом Саши
за рулем красного искрящегося ягуара-ракетоплана
цвет этот сочетался и с оттенком её губной помады

через неделю доставленная курьером покупка
лежала на её столе
Марта вскрыла упаковку
и на обложке книжечки-инструкции увидела надпись:
КРЫЛЬЯ «МЕЧТА КРЕСТЬЯНКИ»

— не всё ли равно, мечта есть мечта — услышала
Марта по сотовому ответ подруги
на проявленную ею обеспокоенность —
летай пока, а там видно будет

Марта прицепила крылья
сделала взмах
к её удивлению, она не взмыла к облакам
а понеслась вперёд почти над самой землёй

впереди маячило что-то
она не могла разглядеть, что
наконец это что-то приблизилось

и она увидела себя
сидящую на низкой скамеечке
в одежде женщин одной из восточных стран
перед ней стояла чёрная рогатая корова
с огромным выменем
и Марта доила её в большое ведро
тугая струя со звоном била в оцинкованные стенки
и молоку не было конца

Марта попыталась развернуться
но крылья обнесли её вокруг убогого двора
она оказалась с другой стороны коровы
и увидела своих детей
их было пять или шесть
разных возрастов
младшие ещё полуголые
они стояли вокруг коровы
и пили из глиняных плошек
лишнее молоко струйками стекало по их смуглым щекам
а лица выражали наслаждение

Марта вздрогнула, отвернулась
напряглась
попыталась подняться к облакам
но крылья вновь не послушались её

она беспомощно делала взмах за взмахом
в полуметре от свежевспаханной жирной земли
в которой копошились черви

что-то обожгло её плечо и шею справа
Марта обернулась
ожидая увидеть солнце
но увидела в небе лицо Великого Председателя
он улыбался ей
спокойной улыбкой

излучающей свет
обещающей
что всё будет хорошо

подобно дикому гусю
Марта вытянула шею
распрямила сжатые вместе ноги в красных туфлях
чаще заработала крыльями

закрыв глаза
приучая себя не ощущать
свою приземлённость
рассекая вязкий и влажный воздух
она неслась низко над рисовыми полями

ТА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Впервые она узнала о том, что её нет, за год или чуть больше до того, как ей исполнилось тридцать. Конечно, не поверила сначала. Вернулась домой усталая, легла. Ночью стала анализировать своё прошлое. На следующий день прочитала две рекомендованные ей статьи. И до нее всё вдруг дошло, абсолютно всё. Она почувствовала, что её реально нет.

Сразу стало легче — отпала необходимость придумывать оправдания своим неудачам, беспокоиться о будущем, искать выходы из ситуаций. Оказалось, что жить, когда тебя нет, намного проще и приятнее. Тут только и начинаешь жить, когда не думаешь о том, что живёшь, и правильно ли живёшь. Одно беспокоило — приходилось притворяться, что ты есть, хотя тебя нет. Стирать, готовить, ходить на работу, покупать продукты и съедать их, чтобы соседи не догадались, а то можно осунуться лицом, или они заметят, что не выносишь мусорное ведро. И тогда всё, конец покою. Иногда даже приходи-

лось притворяться, что ищешь мужа. Однажды это зашло слишком далеко, но пришлось доиграть свою роль до конца, а когда он сделал предложение, отказаться, не выдав себя, было уже нельзя. Пришлось и забеременеть, чтобы у него не возникло подозрений, а когда ребенок родился — обманывать в своём существовании сразу двоих. Поэтому снова было много хлопот.

Но во всех тяготах и невзгодах её поддерживало сознание того, что на самом деле её нет.

Потом она состарилась и была довольна этим, потому что старели все, а что может быть более подозрительным, чем факт, что человек, особенно женщина, не стареет?

Когда настало время умирать, она думала только об одном — умереть так, чтобы никто не догадался, что и до смерти её никогда не существовало. Ей это удалось. Никто из стоявших рядом так и не понял, что её нет. Вплоть до того момента, когда её не стало. И только потом уже все говорили, вытирая слезы, что её нет больше.

И никто не догадывался, что её не было никогда...

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ

— дорогая, помнишь
уходя
я отдал тебе на хранение мои белые крылья?
посмотри в шкафу для белья
где-то там они должны быть
среди сорочек и маек
они остались
в пакете
перетянутом старой тесёмкой
мне они очень нужны!
там, где я пребываю сейчас
без крыльев
больше не обойтись!

— дорогой, я всё перерыла в шкафу
и в комоде
и в тумбочке прикроватной
крыльев нет!
уходя
ты разбросал свои вещи
твои шарф и свитер
и шерстяные носки —
они были изъедены молью
быть может и крылья
среди них оказались
я не могла за всем этим следить
тем более после хранить
ты ведь знаешь
как много дел у меня!

но сохранились твои футболки
трусы
зубная щётка
электробритва
и твои тапочки
на прежнем месте стоят в шкафу
и вообще
зачем тебе эти нелепые крылья?
с ними ты выглядишь дураком!
если ты вернёшься
то наденешь
ту новую синюю куртку
которую я подарила тебе
и которую ты ни разу так и не надел
мы пойдём в воскресенье в торговый центр
а вечером — в гости
и помни
что я ещё не разучилась
варить твой любимый суп!

у меня заклинило дверцу шкафа
не выдвигается ящик стола
лампа мигает
но все они целы:
молоток
которым ты прибивал мне полку
отвёртки и клещи
баночки с болтиками и гвоздями
и водопроводный ключ!

только высохла изолента
когда пойдёшь
по дороге в хозяйственном
изоленту возьми

ПОРТРЕТ

N.

велика печаль твоя
и она в твоих глазах

будто каждый глаз видит
по сто женщин в глиняной жёлтой пустыне
гонимых в рабство
ордами вавилонян

окрик халдейских воинов
застыл в них ожиданием удара плети

шаги по лестнице
и стук в дверь
аресты ночные

твоё дитя
и сытый Египет
уводящий его в свою тростниковую сеть

будто на волны Нила ты смотришь
из камышей
на дитя увозящий чёлн

велика печаль твоя
и она в твоих глазах

МОРКОВЬ

Зайчиха говорит зайцу:
— и это вся твоя морковь?
— я вышла за тебя потому что ты обещал мне морковь!
— ты говорил что у тебя всегда будет морковь для меня!
— ты говорил что в нашей норе будет морковь до самого конца дней!
— ты говорил что твоя морковь прекратится только тогда, когда нас не будет!
— ты говорил это так убедительно
что я отдала тебе свою морковь!

— и теперь у нас вообще ничего нет!

ДЕВУШКИ СПРАШИВАЮТ

девушки спрашивают: где можно прочитать написанное мною?
наконец-то!
раньше спрашивали: когда я смогу дать деньги?
ещё раньше спрашивали: когда сможем встретиться?

ещё раньше спрашивали: смогу ли я дать тетрадь с решением задачи по арифметике?

самая первая просила совочек в детской песочнице
не могу вспомнить
дал я ей совочек или нет

МАЛО ТЕБЯ

полчаса на рассвете утром
или час на исходе дня
в этой лодочке суток утлой
мало мало мало тебя

и в стакане безмолвном ночи
нарочито выпитом не до дна
чтобы скудость дня превозмочь им
мало мало мало тебя

в гибких линиях — крыльях птицы
и в словесном твоём лесу
всюду
всюду тебя частицы —
я ищу тебя всю!

не кончайся
как юга лето
бесконечною будь собой
мало
мало тебя во вселенной этой
помоги обрести в другой

МАРИНА СОЛОВЬЁВА

* * *

Окно с видом на голубой залив...
Окно с видом — на нашу зрелость.
Каждый вечер начинается там отлив,
Или прилив — кому как захотелось...
Окно с видом на нашу жизнь,
На нашу любовь — наконец-то рядом!
А если штормит, — тогда держись! —
Брызги летят до самого сада...

Я прохожу через твой кабинет,
Целую тебя, облокотившись на кресло...
Ах, окно с видом, которого нет!
И где этот вид, пока неизвестно.
Но где-то всё-таки есть залив
Цвета твоих аквамариновых глаз.
И когда начинается там прилив,
Запах прибоя долетает до нас.
И я тебе
Начинаю писать.
И ты мне начинаешь звонить...
И ничего невозможно понять,
А тем более, изменить!

ИЗ ЦИКЛА «ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА»

Ты говоришь: Да.
Я отвечаю: Вода,
Водопад, брызги, река,
И я, как вода легка.
Ты говоришь: Нет.
Я отвечаю: Снег,
Горы, обвал, лёд,
И нас никто не найдёт.
Ты говоришь: Пора.
Я отвечаю: Трава,
Жимолость, нежность, мгла
Ночи, как я могла...
Наш разговор вечен,
Странен и бесконечен.
Я говорю: Люблю.
Ты отвечаешь: Знаешь,
Что вчера приключилось:
Я чуть не заснул за рулём...
А это было днём...

ПОДРУГЕ

Тане Вальмонт

Я хотела звонить тебе
В восемь утра,
Рассказать,
Что со мною случилось вчера.
А потом передумала:
Жалко будить...
Стала прясть из вчерашнего тонкую нить,
Чтоб сплести полотно из продуманных слов,
И красиво тебе рассказать про любовь.

Я хотела облечь эту странную зыбь
В нежный звук, в тихий смех, в неожиданный
всхлип.
Вот уж девять, и десять, я смежаю глаза,
В сотый раз я свожу свои *против* и *за*.
...Я уже поняла, как была не права,
Что хотела звонить тебе в восемь утра.

ПРОШЛОГОДНИЙ КАЛЕНДАРЬ

В июне — жара и усталость,
В июле — любовь начиналась,
А в августе стало легко
Дышать. Только самую малость
Саднило. Но там. Глубоко.
Сентябрь был делами закручен,
Но, кажется, стало получше,
А где-то в канун октября,
Влетев ураганом и дымом,
Он стал бесконечно любимым,
Навек осчастливив меня.

Ноябрь пролетел, как в тумане,
Декабрь молчанием ранил,
И душу мне вынул январь.
Февральское сердце болело,
А в марте — болеть расхотело,
И думалось: станет, как встарь.
Апрель снова всё растревожил,
И май, наконец, подытожил,
Что стало со мной через год:
Июнь начинался и длился,
А он мне по-прежнему снился
На долгие годы вперёд.

АНЯ ФИЛАТОВА

СТИХ
(текст песни)

Я штопаю между ног твои десятилетние *Levis*...
Разве можно быть ближе? Разве можно?!
Сти... стих... прости их...

Себе накинуть бы лет двадцать.
Раздаться бы в бедрах.
По курортному городу под руку с супругом...
Чуть поодали мальчик-сын, в ботанических круглых
очках.
Что же я пою?! Я штопаю...
Сти... стих... прости их...

Накрутила кудри на локоны —
На еврейскую похожа стала женщину.
Казалось, с чего бы...
Да вроде бы не с чего...
С таким же успехом грузином могла бы быть.
На собственной свадьбе подмечено:
Велеречивые тосты мне дано говорить.

Могу сказать тост,
А новость в газету дать не могу.
Потому что то, что пишут в газетах,
Это не ново, это не ново...
Сти... стих... прости их...

АНДРЕЙ ЦУКАНОВ

* * *

Моей жене Людмиле

Доброе утро, жена.
Как ты сегодня спала?
Что тебе снилось?

Видишь ли, жуткий кошмар, приснившийся ночью, —
всего лишь проделки
глупой души, себя отдавшей на милость
эльфам и гномам, ткущим свою паутинку-безделку.

Но посмотри — уже утро. Вот небо. Вот солнце.
Глупый котишка мяучит, желая покушать.
Что-то, должно быть, ворона, мелькнуло в оконце —
хлебные крошки склевать, да сплетни послушать. .

Хоть телефон не звонит, но я здесь — могучий и добрый,
можешь щекой прислониться к заросшей груди волосатой.
Мыслям становится сразу тепло и удобно —
Словно пушинка щекочет ноздрю на подушке примятой.

Сколько же лет мы с тобою вдвоём, моя милая баба!
Эрос когда-то твердил нам: вы боги, вы боги...
Впрочем, что же теперь вспоминать да душу корябать?
Крохи сизифовы тащим угрюмо по склонам пологим.

Но иногда ни с того, ни с сего мы стоим на олимпе,
осознавая, что это — лишь холмик заросший.
Смотрим, как небо стекается ломаным ливнем,
и как зима забивает всё белой порошей —
в наши глаза. И мы молимся, молимся Богу.
Только бы не пережить...
Остальное — всё без толку толки...
Нам бы давно уж пора воспарить над диванным порогом,
в спешке убрав за собой нашей постели осколки.

* * *

От топкого влагалища
Я не бегу к заутрене.
Оно — мое чистилище,
И ток, и хаос внутренний.
Там руки сжаты ищуще,
И пальцы растревожены.
И в глубине его,
На дне его
Глаза мои положены.

ЛЕРМОНТО-ЖЕНСКОЕ

Выхожу одна я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха.
Пустыня внемлет богу.
Дети спят.
Поодаль — муж.
Придурок!
Чрез забор с звездою говорит!
Та-а-к...

НАТАЛИЯ ШИШКАРЁВА

* * *

Так улица пахнет снегом,
Тобою и зимним небом,
Что кажется, нашим бедам
Давно уж закончен счёт.

Безлунье. Метель лихая.
Последний пробег трамвая.
Я счастлива, замерзая.
И жизнь попутно течёт.

* * *

Я своим молочным маникюром
Прикоснулась ласково к купюрам.
Ты шепнул: «Бери их все, голубка».
С плеч моих упала тут же шубка,
И возник в руках бокал с шампанским,
Разговор пошёл на итальянском —
О любви, поэзии, о море;
По привычке я с тобой не спорю.
Лишь смотрю в глаза и улыбаюсь,
А сама небрежно так ласкаюсь...
К нежным, досягаемым купюрам
Хищным и молочным маникюром.

КОЛЫБЕЛЬ

Так бы слушала на ночь и слушала
Тонкой фальши словесное кружево,
Продолжай хрипловато-простуженно —
Мелодично-заумно-хитро.

Лестью-патокой горло натружено,
Колыбельной твоею разбужена —
Это счастье мной, милый, заслужено —
Не напрасно ломалось ребро.

Погружай в головное кружение,
Не снижай внеземное скольжение.
За лекарствами от поражения
В круглосуточный не побегу.

Буду ждать полуночного рокота —
Грозового любовного шёпота,
И судьбе повинуясь без ропота,
Сдамся пленницей к четвергу.

ПРОСТИ

Витиеватое «Прости»
Сказать хочу, но всё не важно.
Я принесла тебе в горсти
Восторг звенящий и протяжный.

Ты был — далёкий апогей...
То рисовался мачо гарный,
То хрипловатый бес-Орфей,
Но тут случился стылый Гамбург.

Вечерний, «продувной вокзал»,
Приток тепла — такая малость,
Ты неизбежное сказал,
Я неизбежно рассмеялась.

И счастья нежная струя
Смешинкой в космос полетела...
Прости, что в дрёме бытия
Тебя в тебе не разглядела.

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПКИН

* * *

Ночь раздувала покрывало
Из темноты и хохотала.
Вздыхали, шелестя, кусты,
И на разводах бересты
Морщины-время проступали.
Сквозь их черты являлась ты.

* * *

С добрым утром! Дожди прекратились.
Распрямились ночные цветы.
Вновь воспрянула летняя живность.
И причиною этого — ты.
Золотой и оранжевой силой
наполняется мой окоём...
Благодарствую! Ты испросила
у природы живительный сон.
Да, промыты дворы и газоны.
И на небе от сини светло.
Лишь неделю по новой знакомы
мы с тобой через время-стекло.
Благодарствую! Наважденьем
остаётся хмельной разговор,
и глотками вино пробужденья
затушило печали костёр.

ГОСТИНАЯ

ВЛАДИМИР АРОЛОВИЧ

* * *

Поклажа вся — дурные слухи.
В углу — твои метла и ступа.
В печи — глаза огней потухли.
Но я горю, влетая в ступор,
Когда, лучей поправив букли,
В моей рубашке (виден пуп твой)
Ты в кресле примеряешь туфли.

* * *

Не шла — плыла. И подавлялся стон,
Когда случайно под полою ситца
Шёлк трусиков оранжевой лисицей
Нырял в нору, виляя нам хвостом.
Мы, пацаны, зачумленно лежали,
Речной песок трамбуя животом.
Кто грезил, а кто клялся, что потом
Её он точно встретит на причале.
Причал заглох. Усох давно газон.
Мир озверел. И как-то, парк минуя,
Её увидел — мятую, хмельную...
Какой красивый оборвался сон!

* * *

В полусладком плену, при погасших свечах
Из бокала последний шампанского вздох.
Позабытый в фольге, бархат розы зачах,
И финальный аккорд шалой страсти заглох.
И холодной луны посиневший бутон
На коленях твоих, на кудрявом лугу...
Так не хочется думать пока нам о том,
Что ты мужу солжёшь, что жене я солгу.

* * *

И песня не поётся,
И зябко у огня...
Та женщина проснётся
Сегодня без меня.
Заправит аккуратно
Холодную постель.
Та женщина обратно
Не требует потерь.
На кухне кофе варит
Зачем-то для двоих.
И прячет в Зазеркалье
Свой невесёлый лик.
И, как всегда, под коврик,
Простив мою вину,
Запрячет ключ, который
По глупости вернул.
Вот так ей и живётся...
Но ведь и у меня
И песня не поётся,
И зябко у огня.

* * *

Трюмо. Пустых флаконов пара —
Свидетели шальных побед.
Я — молодой, голодный парень,
Ей — неизвестно, сколько лет.
В букете запахов на ложе
Одеколон мой «Русский лес»
Съедается в один присест
Её коронными «Быть может».

* * *

Под вечер засыхают — свежий торт
На блюдцах и следы вина в бокалах.
А туфельки, не сданные в ремонт,
Валяются с улыбкою лукавой,
Как будто говорят: «Ну что, дружок?
Хозяйка смылась, пустота у стенки».
Беру их в руки, чувствую ожог,
Вдыхаю запах и целую стельки.

* * *

В ночи, под звёздным покрывалом,
На магме, что под льдом бурлит,
Мы вновь друг друга убеждали
В духовной ценности любви.
Витийствовали о высоком, —
Безгрешность, мол, на волоске...
А получалось ненароком —
Уста в уста, рука в руке.

АЛЕКСАНДРА ОКАТОВА

из цикла «КАИНОВЫ СКАЗКИ»

* * *

Набелюсь и нарумянюсь,
юбку красную надену,
и пойду походкой смелой
я за городскую стену.

Там под небом ярко-синим
лягу под кустом зелёным
с самым злым и самым сильным
я с бродягою влюблённым.

Будем с ним соревноваться:
он — в жестокости, я — в ласке,
буду нежно прижиматься,
губы закушу от страсти.

Я ему навстречу тело
так подам, как в воду кинусь,
как тебе подать хотела,
только ты меня не принял.

Самый злой тебя добрее:
не отвергнет мой подарок.

— Обними меня скорее,
поцелуй твой зол и жарок.

Как уйдет он — не замечу,
мне теперь никто не нужен,
я платком закрою плечи,
косы заплету потуже.

И вернусь дорогой пыльной
мимо той стеклянной башни,
где ты что-то пишешь, милый,
где ты ищешь день вчерашний.

Вот теперь ты мной доволен?
Ты, любимый и свободный?
Мне сейчас почти не больно,
что ты был со мной холодным.

* * *

Морозно дыша в меха,
ласково гнулась от смеха:
Мой милый, какая потеха —
мужская стезя везде нелегка!
Ты посмотри ввысь!
(Зрачок блеснул, как звезда.)
Звёзды огнём зажглись,
и каждая — влюблена.
Огромен небесный свод.
Пасёт мириады звёзд
месяц, любовью богат...
И никого вокруг,
но приглядись, друг,
даже месяц — рогат.

* * *

«Это комплекс Арахны: падают волосы,
тело высохло, потеря голоса.
Мне всё ясно, — каркает призрак врача,
— Господи, рука-то как горяча, —
наклоняет лысую голову, —
вот это бред, это здорово...»

«...ты говоришь, что я тебя связала,
связала по рукам и по ногам,
и даже сердце твоё без жалости
опутала тончайшей паутиной...
ты двинуться не можешь, повернуться,
ты так и хочешь снять меня с себя,
смахнуть, убрать, освободиться,
а я опутываю снова и плету, тяну к себе,
наматывая плавно, собирая в сердце...
мне помогает солнце, связывая нити...
ну как тебе освободиться,
если даже дом твой напоминает обо мне,
и зеркала твои в тоске мечтают,
чтоб в них могла я отразиться,
мечтают о моей улыбке и глазах...
и окна дома твоего хранят
воспоминанья обо мне,
и лёгкого прикосновенья рук моих
вовеки не забудут даже стружки,
струившиеся по земле,
хотя судьба им — пеплом стать в огне...
Но даже пеплом став, они не позабудут
моей любви к тебе...
Тебе напомнят обо мне осины,
дрожащие в потоках ветерка,
карьер песчаный, и звезда,

следившая за нами,
заглядывая в окна,
и дверь твоя, меня впускавшая...

Я, паучиха, узор-ловушку соткавшая...
и боги накажут меня за это...»

из цикла «ПЕСНИ ДЛЯ ОДИНОКОГО ГОЛОСА»

* * *

Я, смешная и странная,
придумала тебя, милого,
сама себя одурманила:
придумала тебя, пылкого.
Глаза придумала — синие,
мысли слепящий проблеск,
придумала руки сильные
и тысячу ласковых прозвищ.
Отважная стала, смелая:
придумала, что ты меня любишь,
вот только я не сумела
придумать, что ты всё забудешь.

СОН

— Как же долго я к Вам летела,
что лохмотьями плоти — тело.
И такой я стою перед Богом.

И душа, с губ срываясь улыбкой,
нежным листиком, веточкой гибкой,
вьётся около Господа Бога.

— Посмотри на меня, Господин мой,
посмотри и скажи, где один мой,
человек, предназначенный Богом.

Милый Господи, нету мне пары.
Мои лучшие годы пропали.
Мне до смерти сейчас одиноко.

Бог над женским лицом наклонился,
в родниковой воде отразился
и увидел, что вправду — нет пары.

Бог сказал: Я всё понял. Довольно.
В губы впился — да так, что больно.
— Ну давай, я тебе буду парой.

И забрал всё лицо он в ладони.
И соски целовал, и лоно.
Целовал моё тело живое.

Руки нежные были у Бога.
На тебя был похож. Но немного
был Господь тебя веселее.

из цикла «ВРЕМЕНА ЖИЗНИ»

* * *

Впервые мы пили с тобою
вино, как дыхание звёзд.
За дружбу, — сказала я лживо.
Ты тихо сказал: За любовь!

А чашка в руках плясала,
как сердце плясало в груди.
Вся жизнь, — говорил ты мягко, —
вся жизнь у нас впереди.

Искры шуршали в печке,
плясали, как светляки...
Встречи были всё реже
и всё более коротки.

Мы выпьем с тобою,
мы выпьем
по полстаканчика слёз.
За дружбу, — скажешь ты лживо.
Я тихо скажу: За любовь...

* * *

А я тебе никто теперь:
не дочь, не любовница
и не жена,
последняя из потерь,
схлынувшая волна.

Но здесь, меж небом и землёй
я буду помнить голос твой,
усталый голос в трубке телефонной
с такой неповторимой хрипотцой.

Я помню всё.

Я твой укор, твоя вина,
твоя ошибка и обида,
непризнанная половина,

небесного вина
нечаянный глоток.

Всегда с тобой.
Твоя никто.

из цикла «ТЬМА»

* * *

Ты любишь меня,
как я тебя,

только чуточку — выше,
только чуточку — чище,
только чуточку — тише,
только чуточку — легче,
ты любишь меня,
как я тебя,
только — чуточку меньше.

ЛЮБОВЬ ЗНАКОВСКАЯ

ТРИ МОНОЛОГА О ЛЮБВИ

Володе

1

Ах, как в моей крови гуляло лето!..
Как полнило сосуды бытия!..
Неужто я?.. Невероятно это!..
А впрочем, может... Может быть, и я...

Наш мотоцикл вспарывал дорогу,
И «тёщины» дразнились «языки»,
А неба акварельные мазки
Переливались в море понемногу.

Я обнимала кожаную куртку,
Летя над бездной моря и долин,
Чтоб на Ай-Петри оказаться к утру,
А к вечеру — на склоне Ай-Даниль.

Волна прильнёт колдуньей-ворожеей
И охладит колючих щёк овал...
Но треугольник загорелой шеи
Меня до дрожи в теле волновал...

2

А ты не бросаешь на ветер слова!..
Чем дальше, тем тише, — одно или два.

Так редко беседую рядом с тобой:
Ты копишь слова, будто рыцарь скупой.

Найду ли металлом обитый сундук,
Где золото нежности прячет супруг?

Где втиснуты тесно в четыре угла
Взаимных признаний в любви жемчуга?..

Ведь ты не заметил за ржавчиной дел,
Что дом, как хозяин его, оскудел...

За ржавчиной бед и за ржавчиной лет —
Морщин и седин несмываемый след...

Я знаю, ты скажешь: «Бытует молва,
Что злато молчит, серебрятся слова...»

Но злато в оковах стократ тяжелей,
Так сбрось их — меня и себя пожалей!..

Не надо даров и напевов чужих,
Пускай серебро твоих слов мне журчит.

Пусть шёпот взахлёб или окрик в сердцах —
Слова — как черты дорогого лица...

3

Мы с тобою придумали эту игру:
Вместе полночь встречать — расставаться к утру.

Каждый час — ожидание этой поры.
Есть ли что-то прекраснее нашей игры?..

Вместе звёзды считать и детьми обрастать,
Как когда-то играли отец твой и мать.

А мои, насладиться игрой не успев,
Пали в землю в тот давний военный посев.

Насладимся ж наследством твоих стариков:
Будем слушать бряцание брачных оков,

Что-то внукам внушать, в поздних летах летать...
Может звёздочку с неба удастся достать?

БОРИС ЦЕЙТЛИН

* * *

Имени твоему
Внемля, губами его обойму.
Вдыхаю его, как хвою.
Его я на выдох вою:
Лаура!
О как гудит на ветру оно,
Струнное.
Как гулко
Прогуливается Глюк.
Как громко
Проклёвывается в слух
Зауженная ко рту трахея
Простуженного на ветру Орфея.

И вновь зову:
Лаура!
И вот узнаю:
Лагуна,
Где гулко
Не только от Глюкова контура,
Но и от «ура!»,
Из гортани гунна,
Уроненного на дно.

Всё одно:
С гуриями ль в раю балагуря,
Отворяя ли улей в яру,
Всем горлом благодарю,
Когда ору:
Лаура!

МИХАИЛ ЧЕРВЯКОВ

ГЛАЗА

Акт покаяния, акт терпения... акт тоски
Прервался от взмаха волос — закинутых за плечо.
И достаточно было мельком увидеть её соски,
Чтобы произнести только одно слово: «ЕЩЁ!»
И прикоснувшись к ней, — я увидел, как она
Прочно связана со всем этим миром,
И, стоя лицом к лицу и заглянув ей в глаза,
Почувствовал импульс, как перед Большим взрывом.
Людей, прыгающих с обрыва, — тяжело удержать.
Но для чего они совершают такие поступки? —
Чтоб в водоёме глаз её воздухом дышать
Через выставленные... на поверхность трубки.

РОБОТ

— Я, базовые эмоции проявляя,
Её, к себе прижав, — целую.
И, наверное, так же — страсть утоляя,
Я целовал бы всякую другую.

Но чего ищу — ни в одной из них нет.
И, меняя женщин, между тем
Надеюсь: сердце ещё вспыхнет,
Чтобы, дымясь, погаснуть насовсем.

Мои победы — это ли не искусство.
И утром ложится свет на мою постель.
Но от силы вновь обретённого чувства
Мои глаза — не становятся голубей.

И с чем идёт настоящая битва,
Шагнув на порог изменений, — увидел мужчина.
И после много раз пройденного цикла
На его лбу прорезалась глубокая морщина.

И В СОТЫЙ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

— Ты меня хочешь? — спрашивает она.
А я в ответ только поднимаю брови.
А потом сигарета, покрывало, луна...
И мы долго с ней стоим на балконе.
А внизу под нами — горящие фонари.
И сигнализация, меняющая мелодии вой.
И все наши слова, растворяясь в любви,
Становятся очень сладкой водой.
Она на время стала моему сердцу милая.
И я, преисполнен нежности в минуты такие,
Обнимаю и думаю: она красивая.
Да, впрочем, как и все остальные.

СВЕТЛАНА ШИЛЬНИКОВА

* * *

Быть не перестань,
Велосипед несущий.
Наша родная брань —
Ситный калач насущный,

Дождь мимо окна,
Мокрый цветок в кармане.
Смотрим по сторонам:
Запад-восток окраин

Пьяных московских дней
В зеркале триколорном.
Я говорю бедней
С каждым неразговором.

Ты заплетаешь свет
В многие длинные косы.
Сколько ж меж нами лет
Выпало безголосых.

ПУЛ

В пятьдесят лет положено умереть.
Если не женщине, то хотя бы её стихам.

Ты заходишь в дом, чеканя то мяч, то медь,
Чтобы раздать нас — каждому по долгам,

Будто серёжки. Колечко оставь себе.
Будет память (стоило подарить).
Мёрзнет очередь в новый собес-совбез,
И сердчишки — павшие снегири —

Возле тира, зелёного круглый год,
Распластались, крылышки отстегнув.
Расстреляй меня с яузских невысот —
Неравнин, закончи неравный пул

И спеши на бесшумных колесах вдаль,
Забывая зеркальце протереть
От дыханья — стекло обратится в шаль,
Обернёт тебя и прикажет петь.

БЕЛЫЙ ШУМ

Есть человек, который не болит
Внутри меня, и, мёдом обойдённый,
Он молоком младенческим полит,
А потому, крикливый и бессонный,
Не ждёт письма, а жарит по утрам
Яичницу на раскалённом масле,
Дрожит слезой на кончике пера
Зеленолукового. Речь его опасна,
Как нежность паровозного гудка,
Как вязкий дым кальянных междометий,
Как музыка, когда она горька,
Как белый шум на этом белом свете.

БЕССМЫСЛЕННОСТЬ

Мы петли друг у друга на строке.
Не говори со мной на языке
Родном, на прочих промолчи.
Сгорают листья, будто кумачи,
Майдан переходящие вразброс,
И мается меж ними старый пёс,
Поводит носом: родинка, страна.
Я для тебя бессмысленно стара,
Сбиваемый качелями рассказчик.
Всё выше. И торжественней, и слаще
Раскачиваться, падать и вставать.
До осени осталось воскресенье
Ещё одно. Не с нами и не с теми,
Кто жив и не желает воскресать.

АВГУСТ

Я люблю тебя тихо, птенцово:
Камышами испуганный вечер
Растворяет искомое слово
В не моей неприкаянной речи.

Это вязкий бормочущий август —
Больше августа, менее лета,
Близоруко роняет на абрис
Говорящего выдох ранетный.

Или поезд кукует рассветный,
Или птицы поверили слёткам —
И несёт их, крикливых, по ветру,
Против ветра — притихших и кротких.

ОБ АВТОРАХ

Надежда Антонова (р.: Барнаул, Алтайский край) — поэт, с 2009 г. выкладывает тексты на сайте www.stihi.ru (под именем Надежда Городецкая), с 2017 г. тексты стали появляться в периодике, рассказ «Настасьино счастье» вошёл в шорт-лист конкурса святочного рассказа «До первой звезды», опубликован на сайте www.godliteratury.ru, член МСЛ с 2018 г.

Изабелла Вербова (р.: Москва) — поэт, прозаик, сценарист, первая публ. в 1964 г., автор 2-х книг стихов, книги прозы, либретто к опере «Верность» (композитор А. Чайковский) и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1981 г.

Анна Виноградова (р.: Москва) — поэт, первая публ. в 2010 г., автор 7-ми книг стихов и ряда публ. в периодике, призёр конкурсов альм. «Зарубежные задворки» и «45-я параллель», член МСЛ с 2018 г.

Татьяна Виноградова (р.: Москва) — поэт, эссеист, литературовед, график, канд. филологич. наук, первая публ. в 1996 г., автор мн. публ. в периодике, 8-ми книг стихов и 2-х альбомов графики, лауреат конкурса «Tivoli Europe Giovani» (Рим, 1997) и журн. «Дети Ра» (2011), член МСЛ с 2017 г.

Юрий Влодов (1932—2009, р.: Новосибирск) — поэт, легендарная фигура московского андеграунда (автор знаменитого двустишия «Прошла зима. Настало лето. / Спасибо Партии за это!»), при жизни издана одна книга стихов, посмертно — ещё две, первая публ. в 1957 г., был членом МСЛ с 2007 г.

Людмила Вязмитинова (р.: Москва) — поэт, эссеист, литер. критик, первая публ. в 1985 г., автор 3-х книг стихов, 2-х книг критических статей (одна — в соавт. с А. Цукановым) и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2004 г.

Валерий Галечьян (р.: Ленинград) — поэт, прозаик, график, первая публ. в 1978 г., автор 6-ти книг стихов, 3-х романов (в соавт. с В. Ольшанецким), 5-ти альбомов графики и сборника пьес, член МСЛ с 2013 г.

Дмитрий Гвоздецкий (р.: Москва) — поэт, эссеист, первая публ. в 2009 г., автор мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2016 г.

Василий Геронимус (р.: Москва) — поэт, эссеист, литер. критик, канд. филологич. наук, первая публ. в 1991 г., автор 4-х книг стихов и мн. публ. в периодике, лауреат поэтических конкурсов «Под небом рязанским» (Рязань) и «Звёздное перо» (Кашира), член МСЛ с 2002 г.

Наталья Гребнева (р.: Москва) — поэт, первая публ. в 1987 г., автор 3-х книг стихов и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2007 г.

Ольга Добрицына (р.: Москва) — поэт, прозаик, сценарист, художник, первая публ. в 1982 г., автор книги стихов, книги прозы и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1996 г.

Данила Иванов (р.: Дакар, Сенегал) — поэт, переводчик, первая публ. в 2015 г., автор ряда публ. в периодике, лонг-листер премий «Дебют» (2015) и «Белла» (2017), член МСЛ с 2018 г.

Валерия Исмиева (р.: Москва) — поэт, прозаик, эссеист, искусствовед, антрополог, канд. философ. наук, первая публ. в 2002 г., автор 3-х книг стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2017 г.

Ингрид Кирштайн (р.: Черноголовка, Моск. обл.) — поэт, переводчик, первая публ. в 1992 г., автор 3-х книг стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2017 г.

Владимир Козлов (р.: Кинель, Куйбышевская обл.) — поэт, прозаик, публицист, первая публ. в 1980 г., автор книги стихов, 6-ти исторических повестей (опубл. в журн. «Воин России) и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1997 г.

Борис Колымагин (р.: пос. Редкино, Тверская обл.) — поэт, публицист, первая публ. в 1982 г., автор 2-х книг стихов, 3-х книг на религиозную проблематику и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1995 г.

Сергей Криницын (р.: Волгореченск, Костромская обл.) — поэт, художник, первая публ. в 1994 г., автор 3-х книг стихов, член МСЛ с 1998 г.

Вячеслав Курочкин (р.: с. Мельничный Починок, Рыбнослободский р-н, ТатССР) — поэт, первая публ. в 1989 г., автор ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2017 г.

Екатерина Ливи-Монастырская (р.: Москва) — поэт, художник, эссеист, первая публ. в 2008 г., автор книги стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2018 г.

Лариса Мещанинова (р.: Киев) — поэт, прозаик, эссеист, бард, первая публ. в начале 1990-х, автор 2-х CD-альбомов песен и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2011 г.

Татьяна Михайловская (р.: Баку) — поэт, прозаик, литер. критик, первая публ. в 1962 г., автор 5-ти книг поэзии, 2-х книг прозы и мн. публ. в периодике, лауреат премий «Международная отметина имени Давида Бурлюка» и «Серебряный фрегат», член МСЛ с 1983 г.

Зоя Морева (р.: Харьков) — поэт, прозаик, первая публ. в 2009 г., автор мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2016 г.

Мария Ордынская (1958-2017, р.: Ленинград) — поэт, прозаик, эссеист, первая публ. в 1980 г., автор книги стихов, книги прозы, 5-ти научно-популярных книг для детей, 4-х научно-популярных книг по компьютерной грамотности и ряда публ. в периодике, была членом МСЛ с 1996 г.

Людмила Осокина (р.: Барнаул, Алтайский край) — поэт, прозаик, эссеист, первая публ. в 1982 г., автор 4-х книг стихов, 2-х книг прозы, в т. ч. книги воспоминаний о 1980-х гг. «Халупа», отмеченной дипломами премий «Нонконформизм-2016», «Союза писателей XXI века» (2016) и журн. «Зарубежные задворки» (Германия, 2018), и мн. публ. в периодике, лонг-листер премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» (2015), член МСЛ с 2006 г.

Мария Попова (р.: Новосибирск) — поэт, журналист, эссеист, первая публ. в 2006 г., автор мн. публ. в периодике, премия журн. «Студенческий меридиан» (2011), член МСЛ с 2017 г.

Владимир Пряхин (р.: Тула) — поэт, эссеист, издатель, первая публ. в 1982 г., автор 9-ти книг стихов и мн. публ. в периодике, лауреат премии «Золотое перо Тулы»

(2012), дипломант межд. фестиваля поэзии в Туле (2014), межд. российско-немецкого конкурса переводов (2017) и ряда др. фестивалей и конкурсов, член МСЛ с 2018 г.

Марина Соловьёва (р.: Москва) — поэт, прозаик, сценарист, литературовед, первая публ. в 1980 г., автор 6-ти книг стихов, 5-ти книг прозы и ряда литературовед. работ, член МСЛ с 2001 г.

Аня Филатова (р.: Москва) — поэт, бард, лидер рок-группы «Змеи и лестницы», первая публ. в 1993 г., участник неск. поэт. сборников и антологий, автор 2-х CD-альбомов песен, лауреат фестиваля-конкурса современной поэтической песни памяти Булата Окуджавы (1998) и дипломант фестиваля искусств «Весенний ветер – 2017» (за оригинальность музыкального мышления), член МСЛ с 1999 г.

Андрей Цуканов (р.: Москва) — поэт, прозаик, эссеист, переводчик, первая публ. в 1990 г., автор 3-х книг стихов, книги статей (в соавт. с Л. Вязмитиновой), ряда публ. в периодике и переводов ряда книг с англ. языка, член МСЛ с 2001 г.

Наталия Шишкарёва (р.: Фрязино, Моск. обл.) — поэт, эссеист, первая публ. в 2001 г., автор книги стихов и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2002 г.

Вячеслав Щепкин (р.: Москва) — поэт, эссеист, публицист, первая публ. в 1974 г., автор 5 книг стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2009 г.

ГОСТИНАЯ

Владимир Аролович (Тверия, Израиль — с 1992 г., до этого — Львов; вырос и учился в Днепропетровске) — поэт, работал по направлению в г. Запорожье — 21 год горячего стажа на заводе «Запорожсталь», сейчас — прораб, инженер по надзору за строительством, печатался в периодике, два сборника стихов вышли в Украине, два — в Израиле.

Александра Окатова (Москва) — поэт и прозаик, окончила Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького, начала писать стихи и прозу, когда поняла, что это единственный способ избавиться от немоты и ощутить себя живой — по принципу «я говорю, следовательно, существую», автор книги стихов, 6-ти книг прозы и ряда публ. в периодике и коллективных сборниках, лауреат нескольких фестивалей и конкурсов в области прозы.

Любовь Знаковская (Тверия, Израиль — с 1997 г., до этого — разные города Украины) — поэт, прозаик и журналист, окончила историко-филологический факультет ТНУ им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), работала учителем в школах, стихи писала с детства, публиковаться начала со студенческих лет, автор многих книг, член союза писателей Израиля и международного союза писателей и журналистов, руководит литературным объединением и редактирует альманах «Тивериада», лауреат премии им. Давида Самойлова (2017).

Борис Цейтлин (Тверия, Израиль — с 2005 г., до этого — Фрязино Моск. обл.) — поэт и эссеист, в качестве физика-теоретика работал в академическом институте, ныне пенсионер, статьи по физике опубликованы в отечественных и зарубежных научных изданиях, на гуманитарные темы — в журн. «Знание-Сила», «Вопросы философии», «Человек», «НЛО», сб. «Московский пушкинист» и «Пушкин в XX веке», сетевых изданиях «Топос» и «Артикль», стихи — в «Иерусалимском журнале», альм. «Тивериада» и на сайте «Тель-Авивский клуб».

Михаил Червяков (Липецк) — поэт, окончил ИММиФ, сменил много видов деятельности — от техподдержки до похоронки, серьёзно относиться к своим стихам начал с 24-х лет — после победы в Воронеже в конкурсе «Стихоборье-2014» (номинация «Религиозно-мистическое»), в 2015 г. занял первое место на гумилёвском форуме «Осиянное слово» (номинация «Поэзия») и стал лауреатом премии года литературного журнала «Петровский мост» (номинация «Поэзия»), печатался в журн. «Юность», журналах Перми, Иванова и Воронежа и в альм. «Портфолио» (Канада), в 2015 г. в Липецке вышел сборник стихов «Характер»; лауреат ряда поэтических конкурсов.

Светлана Шильникова (Москва) — поэт, окончила МИРЭА, стихи начала писать с 6-ти лет, подражая отцу, который тоже писал стихи, в студенческие годы нерегулярно посещала ЛИТО при нескольких вузах, автор книги стихов и ряда публ. в периодике.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя 3

Надежда Антонова
«Урок зоологии, последняя парта...» 6
«Фабрика пастилы в Коломне...» 6
«Если б я не такая трусиха...» 7
Напасть 7
Быть 10
Полёт 13

Изабелла Вербова
«А я привыкаю к тебе, привыкаю...» 16

Анна Виноградова
«Ты ли, счастье моё, на углу стоишь...» 17
«Погасло всё...» 17
Та комната 18
«Стоит ли нюхать твою перчатку...» 19

Татьяна Виноградова
Очень большое описание одного взгляда 20

Юрий Влодов
«Судьба Венере обрубила руки…» 28
«Судьба Венере обрубила руки...» 28
«Венера ударила Бога!..» 28
«Ах, в Измайловском парке!..» 28

Людмила Вязмитинова
«У нас никогда не будет детей...» 30
«А где твоя нежность?..» 31
«Я в ночь от тебя сбежала...» 31
«Это всё попущение Божие...» 32
«Вот и нет у тебя жены...» 33
«Этим вечером душным ты роняла игрушки...» 33

«Я люблю тебя через тлен и прах...» 34
«Слава Богу, сиденья в миру большие...» 35
«не оставить отметин...» 35
«Сочтёмся в вечности. Сыграем в карты...» 36

Валерий Галечьян
Феминизация 37
Этрусянки 38

Дмитрий Гвоздецкий
«Когда ты входишь...» 39
Имя 39
Запоздалая лирика 40
Прошлое 41
Вечера 42
Лопасти 43

Василий Геронимус
«Океан мирозданья к чему возвеличивать?..» 46

Наталья Гребнева
Из поэмы «Ностальгия» 47

Ольга Добрицына
«Это бог или природа...» 51

Данила Иванов
«Наташ, — говорю...» 52
«Ну и жопа у женщины, думаешь на остановке...» ...53
«я создаю твои руки такими...» 53

Валерия Исмиева
Рассвет 54
Сад 55
«в дрожи, как на юру...» 56
«ещё рассвет дрожит как стеклотара...» 57
В темноте 57
Белый шум 59
Ослепление 60
Математика 60

Ингрид Кирштайн
Элегия на снежинки, падающие в фонтан 62
Владимир Козлов
«Вот женщина. Она принадлежит...» 64
«Я жду приезда Снежной Королевы...» 64
«Носатая красавица, ты чья?..» 65
Борис Колымагин
Знакомая незнакомка 66
«Я молчу, хотя она — ромашка...» 66
«Сижу — вздыхаю...» 67
«Лютой плоти...» 67
«А в беспокойном свете...» 67
«Зато река — она отрада...» 68
«Не то, чтобы...» 68
«Решительная девушка рисует...» 68
«Грудь у неё — что надо...» 69
«Потихонечку, полслова...» 69
«В час беспечности далёкой...» 69
Стихи на салфетке 70
Сергей Криницын
«Как голова от плеч, ночью твоя походка...» 71
«Отношение может меняться...» 71
«С воображаемой партнёршей...» 72
«на краю канала...» 72
«Желание уснуть, увы, неразрешимо...» 72
Сон 73
Кедр и пальма *(на классический мотив)* 73
Пробуждение 74
Вячеслав Курочкин
Древний акт 75
Екатерина Ливи-Монастырская
Песнь *(подражание древнееврейскому)* 76
Лариса Мещанинова
Баркарола 87

Татьяна Михайловская
«В пятницу мы встретимся с тобой...» 89
«Тебя не любит моя собака...» 89
«Кругом бушуют идиоты...» 89
«С тех пор, как ты умер, я успокоилась...» 90
Зоя Морева
«Была весна...» 91
Мария Ордынская
«Уже который год, лишь вечер настает...» 92
Август 93
«Вспоминаю тебя — и заботы летят кувырком...» ..94
Волчица 94
«Уже третью неделю я числюсь больной...» 95
Людмила Осокина
Пойдём со мной гулять 97
«Шоколадный ты!...» 97
«Пойдём со мной гулять...» 98
«Ухожу в твои глаза...» 98
«Колокольчики звенят...» 98
«Жёлтые облака...» 99
«О аромат магнолий...» 99
Мария Попова
Без начала и без конца 101
Жизнь одного поэта 102
«я могла бы могла бы могла бы тебе позвонить...» ...103
«потерять тебя...» 104
Случайное 105
Владимир Пряхин
«она шагает меж витринами...» 106
Полёт мечты 107
Та, которой не было 109
Белые крылья 110
Портрет 112
Морковь 113

Девушки спрашивают 113
Мало тебя 114

Марина Соловьёва
«Окно с видом на голубой залив...» 115
Из цикла «Продолжение романа» 116
Подруге 116
Прошлогодний календарь 117

Аня Филатова
Стих (текст песни) 118

Андрей Цуканов
«Доброе утро, жена...» 119
«От топкого влагалища...» 120
Лермонто-женское 120

Наталия Шишкарёва
«Так улица пахнет снегом...» 121
«Я своим молочным маникюром...» 121
Колыбель 122
Прости 122

Вячеслав Щепкин
«Ночь раздувала покрывало...» 124
«С добрым утром! Дожди прекратились...» 124

ГОСТИНАЯ 125

Владимир Аролович
«Поклажа вся — дурные слухи...» 126
«Не шла — плыла. И подавлялся стон...» 126
«В полусладком плену, при погасших свечах...» 127
«И песня не поётся...» 127
«Трюмо. Пустых флаконов пара...» 128
«Под вечер засыхают — свежий торт...» 128
«В ночи, под звёздным покрывалом...» 128

Александра Окатова
Из цикла «Каиновы сказки» 129
«Набелюсь и нарумянюсь...» 129
«Морозно дыша в меха...» 130
«Это комплекс Арахны: падают волосы...» 131
Из цикла «Песни для одинокого голоса» 132
«Я, смешная и странная...» 132
Сон 132
Из цикла «Времена жизни» 133
«Впервые мы пили с тобою...» 133
«А я тебе никто теперь...» 134
Из цикла «Тьма» 135
«Ты любишь меня...» 135
Любовь Знаковская
Три монолога о любви 136
1. «Ах, как в моей крови гуляло лето!..» 136
2. «А ты не бросаешь на ветер слова!..» 137
3. «Мы с тобою придумали эту игру...» 138
Борис Цейтлин
«Имени твоему...» 139
Михаил Червяков
Глаза 140
Робот 140
И в сотый раз про любовь 141
Светлана Шильникова
«Быть не перестань...» 142
Пул 142
Белый шум 143
Бессмысленность 144
Август 144

ОБ АВТОРАХ 145

Литературно-художественное издание

Московский союз литераторов

#ПЕРЕДОМНОЙЯВИЛАСЬ(СЯ)ТЫ

#поэтическийТЫсборник

Редактор-составитель: *Людмила Вязмитинова*

Дизайн обложки: *Валерий Галечьян*

Вёрстка: *Татьяна Виноградова*

Московский союз литераторов, 125009, Москва,
ул. Б. Дмитровка, 5/6, стр. 8
+7 (495) 692-06-03
dmitrovka5@yandex.ru

подписано в печать 06.02.2019
гарнитура Georgia
бумага офсетная
печать цифровая
формат 60 x 84/16

отпечатано с готового оригинал-макета
в «ИП ПРЯХИН В.К.»,
г. Тула, ул. Гоголевская, 71

ISBN 978-5-6041307-2-8